

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ МИРОВ,
ВЕКОВ И ГРАНИЦ

Игорь Д. Алексеев

12+

Игорь Дмитриевич Алексеев

На пересечении

миров, веков и границ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24500944

SelfPub; 2024

Аннотация

Преемственность поколений.

Воспоминания об отце и самых интересных моментах своей жизни.

Отец – военный разведчик и дипломат, доброволец финской компании, работавший в Англии и Германии и завершивший свою дипломатическую карьеру после выдачи его Пеньковским.

Сын – инженер космической техники и работник внешней торговли, в детстве более 4-х лет прожил в интернате Министерства внешней торговли, где и встретил свою будущую жену. По отзывам иностранной прессы – первый советский коммерсант, работавший в области предоставления коммерческих услуг по использованию отечественной космической техники. Почти 4 года проработал в Торговом представительстве СССР в Чехословакии и 11 лет в ФРГ – директором, а затем и управляющим директором общества "Техноунион", созданного на паритетных началах советской

внешнеторговой организацией "Лицензинторг", ПАО "Автоваз"
и немецким акционерным обществом "Феррошталь"

Содержание

Начало. СТАНОВЛЕНИЕ	10
Лондонские туманы	21
Дома	33
"Полковничьи выселки"	54
Интернат. Последняя школа	58
Студенческие годы	96
Бауманка. Становление.	107
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Игорь Алексеев

На пересечении миров, веков и границ

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ МИРОВ,
ВЕКОВ И ГРАНИЦ

Часть 1

Игорь Д. Алексеев

Папа, спасибо тебе за все

Жизнь, как песня. Прозвучала и кончилась. Хорошая песня остается в памяти. Плохую забывают. Может, эти воспоминания помогут продлить память.

Когда в 1988 году я был командирован в ФРГ для работы на принадлежавшем советской внешнеторговой организации В/О "Лицензинторг" смешанном обществе "Техноунион ГмбХ", то, как меня и предупреждали в нашем торговом представительстве в Кёльне, в моих достаточно частых поездках по Германии (в том числе почти ежедневно из Кёльна

на работу в Эссен и обратно) я практически сразу обнаружил ведущуюся за мной слежку: Бундеснахрихтсдинст – служба безопасности ФРГ проверяла благонадежность вновь прибывшего из СССР сотрудника немецкой компании, имевшего статус иммигранта с правом работы.

И это продолжалось в течение достаточно длительного времени, пока меня не пригласил на беседу один из руководителей акционерной компании "Ферроштааль АГ", с которой "Лицензинторг" на паритетных началах создал общество "Техноунион" в 1978 году. Этот немец сообщил, что поскольку знает меня уже более 10 лет по совместной работе наших торговых организаций, он, при оформлении мне рабочей визы, дал рекомендацию правительственным органам, что моё пребывание в Германии не нанесет ущерба государственным интересам страны. Однако тут же он задал вопрос, кем является мой отец, который работал в 1962-1963г.г. советником по науке и технике Посольства СССР и пребывание которого в Германии было приостановлено в 63г.

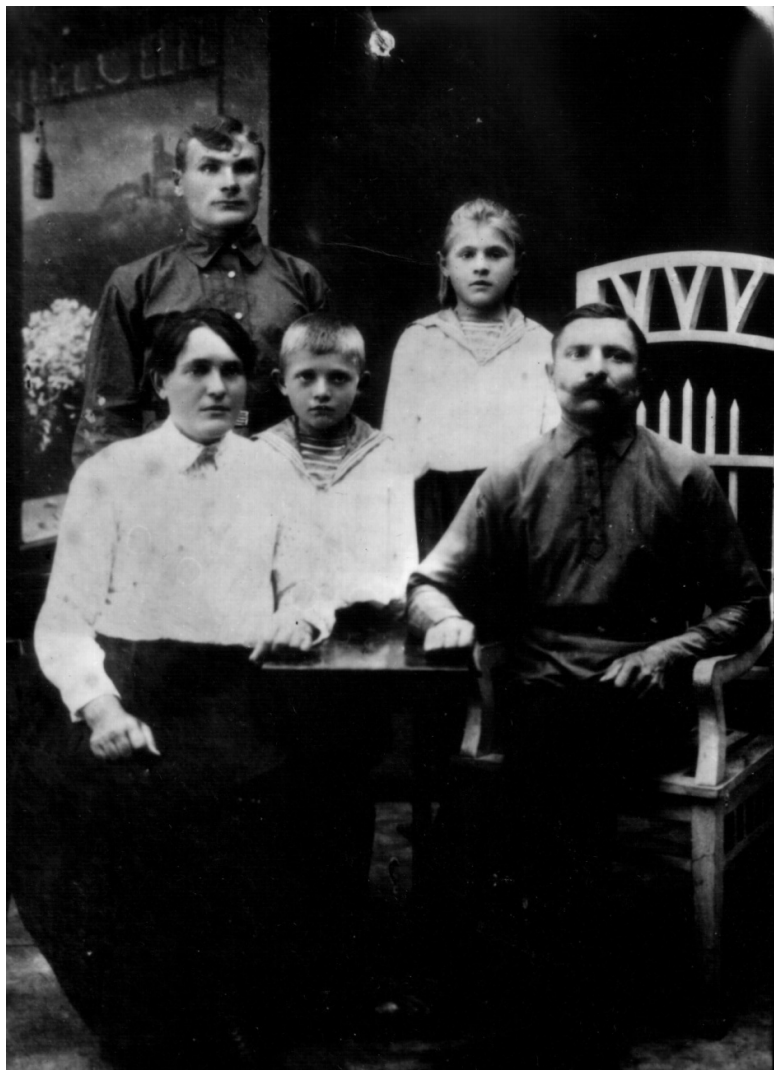
Не задумываясь (этот вопрос ожидался, и ответ был согласован с отцом) я ответил:

– Был сотрудником военной разведки, после выхода в отставку работал переводчиком у Министра черной металлургии СССР И. Казанца, где Вы с ним встречались на переговорах, а сейчас, по возрасту и состоянию здоровья, – пенсионер.

Новый вопрос:

– До нас дошла информация, что Вас называют первым российским коммерсантом-шпионом в области космоса. Как Вы на это реагируете?

– Для Вас, как и для меня, это не является неожиданным: Вы знаете, что в течении последних лет в Лицензинторге я был директором фирмы "Лицензтрансмаш", в круг деятельности которой входила проработка вопросов предоставления на коммерческой основе услуг по использованию и применению космической техники. В этом году я уже был в Германии во главе делегации из 16 человек – представителей космических отраслей промышленности СССР. Ваша фирма совместно с Техноунионом участвовала в подготовке поездки и организации переговоров с авиакосмическими фирмами и банками ФРГ. В предыдущие годы мне пришлось с подобными "космическими" миссиями побывать в Австралии, Англии, Индии, Франции и Японии, где моими партнерами по переговорам были также представители частных фирм, государственных и международных организаций. Я вижу свою главную цель работы в Германии – сотрудничество наших стран в области исследования космоса. А какие выводы делают досужие обыватели или "специалисты" меня не интересует.

*Алексеевы- 1925г. (Первый ряд – бабушка Феня, папа, дед Иван,
второй ряд – дядя Коля (брат Ивана), папина сестра Аня)*

Уже через несколько дней специалисты Торгпредства, да и я сам заметили, что слезка за мной прекращена.

Как и советовал мне отец, хочешь жить легче – не ври, но можешь не всё договаривать.

Таким образом, мне и хочется написать свои воспоминания как для детей и внуков, так, может быть, и для тех, кому это интересно.

ЧАСТЬ 1

Начало. СТАНОВЛЕНИЕ

Мой папа – Дмитрий Иванович, родился в Екатеринославле (Днепропетровске) 25 января 1918 года. Но уже через несколько дней, бабушка Феня (Феодосия Ивановна) решила сбежать на свою родину к родителям – в Гуляй Поле: разруха, питание не надежное, постоянные бои (то красные, то Петлюровцы и немцы рядом). В один из первых дней, гуляя с детьми – со старшей дочерью двухлетней Аней и новорожденным сыном, она наткнулась на батьку Нестора Махно, проезжавшего со своей свитой по той же слободе. Махно остановился и спешился:

- Молодайка, что, дети твои?
- Мои.
- Как зовут?
- Дочка Анна, а сына ещё не окрестили.
- Местная?
- Да, Мироновых

Он заинтересовался и попросил распеленать. Взял на руки и предложил быть крестным отцом.

Поинтересовался именем отца ребенка.

- Иван Дмитриевич
- Что ж, можно и Дмитрием окрестить

В это время ребенок начал орать и знатно окропил батьку.

Махно сбросил ребенка с рук.

Парашютисты (1937г.)

Папа – второй слева

– С таким зассанцем в церковь не пойду. Крести сама, но пусть будет Митяй.

Бабушка всегда вспоминала эту историю и говаривала, что ещё грудничком её Митя боролся с врагами Советской власти.

О своем отце ни папа, ни тетя Аня ничего не рассказывали – он пил, и бабушка с ним рассталась. Жили трудно, и папа подрабатывал торговлей пирожками на рынке. Школу папа не закончил и поступил в Днепропетровский индустриальный техникум, чтобы получать стипендию. А он все время учебы получал повышенную.

ВЫПИСКА ИЗ ЗАЧЕТНОЙ ВЕДОМОСТИ

Тов. АЛЕКСЕЕВ Д. И. за время пребывания в Днепропетровском ордена
Трудового Красного Знамени Институте имени
И. В. СТАЛИНА сдал следующие дисциплины:

1. Политэкономика.....	5	16. Обработка металлов	
2. Математика.....	5	резанием.....	5
3. Общая химия.....	5	17. Под'че мно-транспортные	
4. Физика.....	5	машины.....	5
5. Начертательная гео-		18. Теплотехника.....	5
метрия и черчение.....	5	19. Обработка металлов дав-	
6. Иностранный язык.....	5	лением.....	5
7. Теоретическая ме-		20. Металлургические печи.....	5
ханика.....	5	21. Электрооборудование.....	5
8. Сопротивление ма-		22. Механическое оборудование	
териалов.....	5	металлургических цехов.....	5
9. Электротехника.....	5	23. Гидравлика.....	5
10. Металловедение.....	5	24. Вентиляторы и воздухо-	
11. Детали машин.....	5	дувка.....	5
12. Металлургия черных		25. Техника безоп.ности.....	5
металлов.....	5	26. Организация производств.....	5
13. Теория механизмов и		27. Основы строительного дела.....	5
машин.....	5	28. Экономика черных металлов.....	5
14. Основы маркирова-		29. Ремонтно-монтажное дело.....	5
ния изделий.....	5	30.	
15. Статика сооружений.....	5		

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА

ДИПЛОМ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА

Зискин (И. П. ИСАЕНКО)

Данилов (С. П. РОСТОВЦЕВ)

Гр. Алексеев Я. И

за время пребывания в

Днепропетровском Индустриальном тех-ме
(ИЗМЕНОВАНИЕ ИМЕНА)

изучил перечисленные ниже дисциплины и показал по ним следующие успехи:

Наименование дисциплин и оценка

1. Математика	5.	21. Электро-машины	5.
2. Физика	5.	22. Электро-сети	5.
3. Химия	5.	23. Центр эл. станц.	5.
4. Биология	5.	24. Эл. оборуд. фабр. и зав.	5.
5. Немецкий яз.	5.	25. Эл. освещение	5.
6. Русский яз.	5.	26. Тех-нормирование	5.
7. Украинск. яз.	5.	27. Организация произв.	5.
8. История ВКПБ.	5.	28. Техника безопасности	5.
9. Эконом-география.	5.	29. Техника высок. напряж.	5.
10. Полит-экономика	5.	30. Конституция	5.
11. Эконом-политика	5.	31. Машиноведение	5.
12. Воен-дело	5.	32. Технология эл. материал.	5.
13. Физкультура	5.		
14. Теоретич. механика	5.		
15. Сопротивл. матер.	5.		
16. Детали машин.	5.		
17. Черчение	5.		
18. Постоянный ток	5.		
19. Переменный ток	5.		
20. Эл. измерение	5.		

и выполнил следующую производственную практику:

1. г. Днепропетровск 39 км. "Карло-Либкнехта"
2. г. Днепропетровск 39 ДЗМО
3. "Кривой рог" Крив. метал. комбинат

Зам. директора по учебной части

Секретарь техникума

[Handwritten signature]

Как отличнику, ему было предоставлено право поступить в институт, и он выбрал Днепропетровский металлургический

О войнах, что финской, что Отечественной, папа вспоминать не любил и никогда не рассказывал. Один только раз под настроение, в компании ближайших друзей он вдруг рассказал, что в финской компании их отряду, укомплектованному, за исключением командира и его самого, охотниками-бурятами, приходилось в полосе будущего наступления Красной Армии переходить линию фронта на длительный срок и истреблять так называемых "кукушек" – финских снайперов. Однажды, после нескольких морозных ночевок на открытом воздухе (а морозы стояли жесточайшие) они с командиром решили захватить хутор, помыться в бане и переночевать в тепле. Растопив баньку, они помылись сами и направили туда бойцов. Через некоторое время один из них побежал в дом и вернулся со свертком. Долго никого не было, и командир решил проверить, что там. Оказалось, что, докипятив воду, бойцы заварили в котле чай и сидят, балдеют. На вопрос о помывке старший ответил, что в такие холода нельзя смывать с кожи собственный жир, иначе пообморозишься.

НКО — СССР

Артиллерийская Ордена Ленина Академия Красной Армии
им. Ф. Э. Дзержинского

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего

Гов. Алексеев

Белицкий Иванович

в 19 41 году поступил и *в октябре и-че* 194 2 г. прослу-

шал ускоренный курс Артиллерийской ордена Ленина академии Красной Армии
им. Ф. Э. Дзержинского по специальности *Минометное воор.*

По окончании Великой отечественной войны тов.

Алексееву

Белицкому Ивану

предоставляется право закончить полный Академический курс с выполнением
дипломного проекта.

Начальник Академии
генерал-майор артиллерии
БЛАГОПРАВОВ

Военный комиссар Академии
полковой комиссар
Долнин
(ДОЛИНИН)

194 2 г.

Регистрационный № 11

Справка

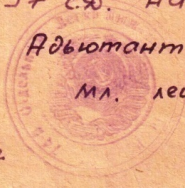
Лано красноармейцу - добровольцу
т. Алексею Дмитрию Ивановичу в том,
что он с 13/1 по 29/III - 40г. проходил
службу в РККА в 328 эскадроне и
участвовал в боях против белофинов
при 37 сд. на Ухтинском направлении

Адъютант 328 эскадр.

мл. лейт. т.

Б. Смуров

28/III-40г.

Полученную за финскую компанию медаль "За отвагу" папа ценил выше всех своих наград, даже выше "Красной звезды".

В июле 1941 г. моему отцу, в то время являвшемуся секретарем комитета комсомола института и внештатным инструктором ЦК ВЛКСМ и прошедшему добровольцем финскую компанию в должности политрука лыжного эскадрона особого назначения, было поручено организовать эвакуацию документов и архивов Днепропетровского обкома партии и обкома комсомола. Семья моей матери – она сама с родителями и двумя сестрами, в начале августа была эвакуирована в Краснодарский край, и в это же время отец вывозил все по-

рученные ему архивы. Дойдя до Воронежа, он был призван в армию и направлен на учебу в находящуюся в Самарканде артиллерийскую академию им. Дзержинского, по окончании ускоренного курса которой он был направлен в Главное артиллерийское управление.

1945 г. – с папой

Дальнейшая эвакуация Днепропетровских документов была поручена папину заместителю по комсомолу в техни-

куме – Ивану Казанцу, ставшему впоследствии первым секретарем райкома партии в Макеевке, первым секретарем Донецкого обкома КПСС, Председателем Совета Министров Украины и, впоследствии, Министром черной металлургии СССР.

Верные товарищеские и теплые дружеские отношения между ними сохранились на всю их жизнь. Когда Ивану Павловичу в 1963 году предложили пост Предсовмина Украины, он приехал к нам домой посоветоваться. Мы тогда жили на Октябрьском поле. К нам во двор, вызвав фурор соседей, приплыла "Чайка" и пассажир пошел к нам. Они с папой уютно расположились, поставив перед собой бутылочку. Казанец жаловался, что всю свою жизнь он занимался только металлургией, а тут придется больше заниматься и сельским хозяйством и многими другими незнакомыми вопросами. Конечно, мы с мамой не спали, у нас же была только одна комната.

Помню, уже глубокой ночью отец подвел черту: – Иван, ты коммунист! Партия сочла тебя достойным! Ты должен принять приглашение и работать, чтобы оправдать доверие!

Иван Павлович пережил отца больше чем на 20 лет и умер только в феврале 2013 года.

Лондонские туманы

Ещё в 1944 году, во время Великой Отечественной войны, отец был направлен в Главное Разведывательное управление СССР и, после определенной подготовки, в марте 1946 года, был направлен на работу, под прикрытием, старшим инженером Торгпредства СССР в Лондон. Одновременно он был назначен Парторгом ЦК КПСС в Торгпредстве (оказывается, была и такая должность).

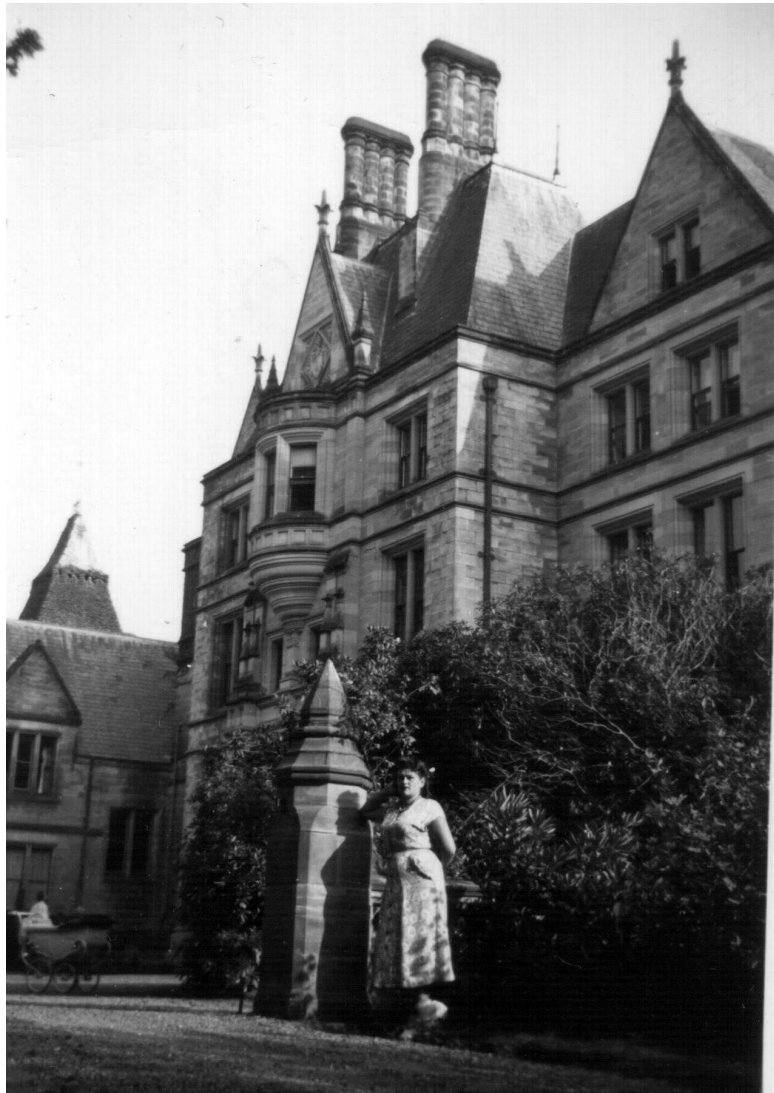
1946г. – Таким я был

Поскольку я был рожден только в 1944 г., многого из той поездки, длившейся до июля 1951 г., не помню. Остались только отрывочные, наиболее яркие воспоминания.

Жили мы в нескольких кварталах от Торгпредства, у вхо-

да в большой парк в обычном многоквартирном доме, в котором, помимо англичан, жила и семья Леонида Седова – тоже сотрудника Торгпредства. Тогда этот дом казался очень современным и большим, чуть ли не небоскребом, и рядом с ним проходила железная дорога и находилась сортировочная станция, на которой все время суетились маневровые паровозы. Я очень любил стоять во дворе между домом и насыпью железной дороги, когда проходил поезд, и смотреть в это время на небо, на движущиеся облака. Создавалось впечатление, что дом со стуком по рельсам куда-то плывет, может, домой, где жили все мои дедушки и бабушки, которых я и не помнил, но о которых постоянно слышал от родителей.

В 1981г., находясь в командировке в Лондоне, я нашел этот дом: оказалось, что это достаточно обветшалый четырехэтажный дом. Разочарование, тем не менее, не стерло детских впечатлений.

Отец с матерью, как и большинство родителей в других семьях, почти все время работали (мама была секретарем в представительстве Балтийского пароходства, руководителем которого был большой друг семьи Вениамин Бритарев). До 5 лет, до рождения брата, у меня зимой была английская няня, которая, не зная ни слова по-русски, вынуждала меня говорить с ней только по-английски и, таким образом, выучить английский (как оказалось -простонародный язык – "кокни").

Летом же дети с матерями выезжали на "дачу" – замок, который один из английских лордов подарил Торгпредству после смерти его сына, в благодарность как российским морякам, спасшим его с подбитого фашистами под Мурманском конвоя, так и медперсоналу, сделавшим всё возможное для его спасения от многочисленных ран и переохлаждения.

Старинный замок и, особенно, прилегающая территория с лесами, полями, озером, заросшим диким бамбуком, огромными розариями, огромные количества диких кроликов, выходящих погостить на лугах и от резкого звука убегающих в лес, что создавало впечатление разделения луга на зеленую и серо-коричневую части – это осталось в памяти навсегда.

Так же остались в памяти и сохранилась любовь к проведению совместных мероприятий: коллективные поездки на дачу на выходные и праздничные дни – автобусы, заполненные возбужденными радостными людьми, песни русские на-

родные, революционные и, конечно, военные, общие пикники с бутербродами и термосами, спортом и веселыми шутками. Мои родители, выходцы с Украины, имевшие хороший слух и очень приятные голоса, были заводилами во всех этих компаниях и сохранили дружбу со многими коллегами по работе в Англии на всю жизнь: Бритаревы, Волковы, Орловы, Седовы, Тарасовы и другие.

Летом 48 года на даче со мной произошел случай, имевший значение в моей дальнейшей жизни: может быть, впервые вырвавшись из-под опеки кого-то из взрослых, я пошел исследовать территорию, прилегающую к замку. Пройдя по поляне перед ним, я подошел к огражденной террасе и внизу, под стеной, на 4-5 метров ниже моего уровня увидел красочный благоухающий розарий, в котором с криком и визгом носились наши девчонки. Я попросился к ним в компанию и спросил, как они спустились вниз.

– Мы спрыгнули со стены.

Я, не задумываясь, спрыгнул с террасы и ... потерял сознание. Когда я очнулся, рядом никого не было: девочки, испугавшись моего состояния, бросились искать взрослых на помощь. Слава богу, серьезных травм не было, но испугавшись своего непонятного, ранее не испытанного состояния я, как это ни стыдно, обделался. До прихода взрослых я успел снять испачканное белье и привести себя, более ни менее, в божеское состояние. Однако, от пережитого испуга ... я стал заикаться, что в той или иной степени продолжалось много лет.

Когда мне исполнилось 5 лет, и у меня появился брат, родители отдали меня в подготовительный класс известной частной английской гимназии. Они очень хотели, чтобы я закрепил знания английского языка на новом, не "кокни" уровне. В этой же гимназии, но в старшей группе, учился и будущий переводчик Брежнева – Суходрев. До сих пор помню, как мне, к тому же заикавшемуся, было неуютно в чужой обстановке, в окружении достаточно снобистских мальчишек-англичан, а мои стремления общаться с Суходревым он резко пресекал: ему хотелось общаться со сверстниками, а не с каким-то малолеткой.

Обучение в младших классах вели монашки какого-то ордена. Ежедневно занятия начинались с распевания молитв,

которых я не знал и не хотел учить (Отец, согласившись со мной, рекомендовал мне под ту же мелодию мурлыкать "тары-бары-растобары").

К счастью для меня, обучение в этой гимназии длилось не очень долго: На одном из уроков рисования я был вызван к доске, нарисовать корабль. Полный усердия и гордости за страну я нарисовал не только корабль, но и старательно нарисовал красный флаг и вывел его имя: РОТЕМКИН.

Реакция последовала незамедлительно: ... до конца урока я был поставлен на колени на горох (в то время в английских школах еще были разрешены физические наказания учеников). На следующий же день отец забрал мои документы из гимназии и моё обучение в Англии навсегда закончилось, но боль и стыд от стояния на коленях на горохе еще долгое время преследовали меня во снах и, к сожалению, также не способствовали моему излечению от заикания.

Когда в разных изданиях, в СМИ и т.п. пишут и говорят о "туманном Альбионе", смогах в Лондоне и других городах Великобритании, то мало кто представляет, что на самом деле представляет собой этот смог.

Помню, однажды мы с родителями были в Торгпредстве на каком-то мероприятии. Решив пойти домой, мы не узнали окружающую нас местность: всё вокруг было залито, как бы, молоком с запахом железнодорожной копоти, видимость не позволяла увидеть не только кистей рук, но даже и локтей. Фонари ничего не освещали, и их самих не было видно. По-

лицейский, дежуривший у входа в Торгпредство, сказал нам, когда мы ощупью на него наткнулись, что хозяева домов и дворники натянули между фонарными столбами веревки, по которым нам и следовало идти.

Время было достаточно позднее, так что мы столкнулись с идущим нам навстречу человеком только один раз. Испытание пришло на единственном на нашем пути перекрестке, при переходе через улицу: взявшись за руки, мы гусиным шагом двинулись в сторону, якобы, противоположной стороны, но не наткнулись ни на тротуар, ни на столб, ни на веревку. Папа приказал остановиться, а мы с мамой уже начали всплакивать: что такое, где мы, что случилось. По приказу папы мы замолкли и несколько минут простояли на месте в полной тишине, пока не услышали коротких гудков, которые в чрезвычайной ситуации издавали маневровые паровозы на станции. Тогда мы двинулись в сторону гудков, хотя мне казалось, что они раздаются в тумане со всех сторон. Оказалось, что за счет "гусиного шага" мы несколько переоценили пройденную нами часть дороги, не дойдя до тротуара каких-то полметра. В детстве, когда я болел с высокой температурой, мне часто снился этот пережитый ужас: плотный облакаивающий туман с запахом гари, тщетное желание что-либо увидеть или, хотя бы, до кого-либо докричаться.

Когда я работал в Лицензинторге, то дважды зимой был в командировках в Лондоне – никакого тумана, а тем более смога я не видел. Мои партнеры по переговорам объяснили

мне, что с переходом на централизованное отопление газом и нефтью эти явления практически прекратились.

В своих командировках я почти не узнал территорию Торгпредства: бомбоубежище, которое после войны использовалось как склад натурального каучука, закупавшегося для нужд страны, было стерто с лица Земли. На месте чудесного яблоневого сада с прудом и фонтаном, теннисного корта и любимого места наших детских игр – многоствольной вековой акации был построен жилой дом. Да и само здание Торгпредство претерпело значительное изменение.

В 1951 году мы поехали домой на Родину, которую я совершенно не помнил, но о которой читал в книжках (с 4-х лет я научился свободно читать). По пути в порт, проезжая через город, отец постоянно указывал мне на развалины от фашистских бомбардировок:

– смотри и запоминай: у нас следов от бомбежек не увидишь. Наша Родина, наиболее пострадавшая во время войны, становится всё краше: в Москве строятся высотные дома, расширяются улицы, жизнь становится лучше и веселее.

Дома

"Знакомство" с Родиной началось в Ленинградской таможне. В течение долгих часов таможенники вскрывали наши чемоданы и ящики. Папа и мама давали пояснения по каждой вещи, а я с братом Мишей на коленях сидели на единственном найденном свободном стуле и смотрели на всё, что происходит.

Когда, казалось бы, всё благополучно закончено, таможенники вскрыли ящик с любовно собираемой отцом коллекцией пластинок. И тут началось невообразимое:

... таможенники вытаскивали их по одной.

– Вертинский, ... хрясть об стену!

– Русские народные песни в исполнении "ненашенских" ансамблей, ... туда же!

– Это кто? Неизвестный! ... туда же!

Глядя на помертвевшее лицо отца и под звуки таможенной "музыки" заорал Мишка. Мама бросилась его успокаивать, а таможенники продолжали демонстрировать нам "патриотизм", уничтожая одну пластинку за другой.

Из нескольких сотен пластинок, аккуратно переложенных отцом папиросной бумагой, нам "на развод" оставили лишь около десятка пластинок Шаляпина и ансамбля Александрова.

Папа остался в порту оформлять доставку багажа в Москву, а мы с мамой поехали размещаться в забронированную для нас гостиницу "Астория". Когда папа присоединился к нам, удрученный и усталый, и увидел, что мы тоже никакие, приказал:

– Умыться, празднично одеться, пойдем в ресторан праздновать!

Через какое-то время мы спустились в ресторан. До этого я никогда не был в ресторанах и был поражен нарядной обстановкой: оркестр, хрустальная посуда, накрахмаленные скатерти, бегающие официанты, нарядная публика – все наши праздники в Торгпредстве проходили проще: как большие пикники. Кто и что заказывал, я не помню. Но помню, что мне заказали рубленый шницель с жареной картошкой – блюдо, которое я полюбил всерьез и надолго. Но и это наше

"празднование" быстро закончилось: Мишка, любитель лимонада, не отпуская от рта хрустальный бокал, откусил кусок этого бокала!

Что тут началось: Миша, испугавшись, плачет; мама кричит, вытаскивая у Миши изо рта кусочки хрусталя; официант и вмиг прибежавший метрдотель орут, требуя у отца немедленной оплаты стоимости уничтоженной посуды и заявляя, что, оказывается, несовершеннолетние дети в рестораны в вечернее время не допускаются, и, настаивая, что бы мы немедленно покинули заведение.

Как и чем все это закончилось, совершенно не помню. "Сытый" впечатлениями дня приезда я даже не помню, как мы добрались до Москвы, где мы должны были жить.

Комната, в которой родители жили до нашего отъезда в Англию, была возвращена детскому саду, эвакуированному во время войны, и, как не имевшим своего жилья, нам предстояло "временно" жить в гостинице Красной Армии, где, помимо небольшого числа командировочного люда, проживало огромное количество "безземельных" семей, связавших свою жизнь с армией. Это "временное" проживание растянулось почти на четыре долгих года, в течение которых мы почти не видели отца, а наши жилищные условия улучшались очень условно: поселив нас вчетвером в 10-метровую комнату, через какое-то время нас переместили в 11-метровую, потом в 14-метровую с раковиной. И только в начале 1953 года, когда папе, в его 35 лет, присвоили звание полковника,

нас наградили 16-метровой комнатой, в которой, был даже ... свой туалет!

После поселения в гостинице в один из первых выходных к нам "на прописку" собрались московские друзья и сослуживцы отца. Убрал стол, расселись с двух сторон по кроватям с тарелками на коленях. Пили чай (и не только) не только из стаканов, которых в номере было только 4, но и из различных банок – дяде Вене Бритареву, который был самый большой (рост под 190 и 60-ый размер плеч) досталась трехлитровая банка. Слава богу, на этаже был титан, и поэтому ограничения на кипяток не было. Выпив свою банку, на предложение повторить дядя Веня ответил: "По многу не пью, только одну чашку". С тех пор эта фраза стала у нас семейным приколом.

К сложностям проживания в гостинице прибавлялось и то, что в гостинице запрещалось готовить. Поэтому мама готовила только поздно вечером, ночью или рано утром, после готовки скрывая "следы преступления" – убирая в коробку или чемодан керогаз или электроплитку, а готовые блюда – в шкаф. Холодильников, само собой разумеется, в гостинице не было. Душ и туалет находились в конце коридора. Чтобы попасть в душ, надо было записываться заранее и брать ключ у дежурной по этажу. Поэтому мы еженедельно ходили в баню, расположенную в подвале гостиницы с противоположной от входа стороны.

Мои родители, с учетом того, что я практически свобод-

но говорил по-английски, хотели определить меня в английскую спецшколу, но..., поскольку я заикался, эта затея не удалась. Разозлившись на судьбу, я категорически отказался разговаривать по-английски даже с родителями, которые долгое время пытались поддерживать у меня навыки общения на этом языке. В итоге, к пятому классу, когда язык начали изучать в школе, все мои знания испарились. О чем я же и сожалел.

1951 год – в первом классе

В итоге пришлось идти в обычную городскую школу № 607, расположенную в Трифоновском пер. в районе Марьиной роши.

После решения всех практических вопросов, связанных с приездом, папиным трудоустройством, оформлением меня в школу и т.д., мы поехали в Днепропетровск, где жили мамыны родители и сестры, а также все папины родственники, за исключением обеих сестер и мамы, проживающих в Душанбе. Пробыв некоторое время в Днепропетровске, куда также приехала и папина мама, родители поехали в санаторий, оставив нас с Мишей на руки многочисленной родне.

Как только они уехали, бабушка Феня совместно с папиной тёткой – тетей Елей решили тут же исправить ошибку наших родителей в воспитании – окрестить нас с Мишей.

Эта процедура, первой в моей жизни, вызвала некоторую нелюбовь к православным священникам: окрестив меня, приступили к крещению Миши, которому было 2 года. Вручив ему свечку, батюшка продолжил какие-то процедуры, а Мишка, которому было всё интересно и который всё время крутил головой, ненароком поднес свечу к своим длинным златокудрым волосам ... и, о ужас..., волосы вспыхнули! Бабки закудахтали! Священник замер! А я начал черпать воду из купели и тушить Мишкины кудри. – "Отрок, стой!" – заорал поп. Но, куда там! Я думал, что скажут роди-

тели, и продолжал тушить, пока все не кончилось. И тогда я получил затрещину – "Богохульник!" (До этого меня никто рукой не бил.) В итоге разозленный и, думаю, перепуганный священник вручил бабушке наши крестики, которые мы никогда позже и не видели, и прогнал нас. А бабушка просила нас ничего не говорить родителям.

В первом классе я практически не учился: в сентябре болел дизентерией (заболел, будучи в Днепропетровске), затем ветрянка, краснуха, свинка, несколько раз переболел ангиной. В декабре лежал в больнице со скарлатиной с последующим осложнением, и, напоследок, в марте 52-го года меня на долгих три месяца, с осложнениями на сердце, уложили в педиатрический институт АН СССР на Солянке с диагнозом ревмокардит, где я перенес три сердечные атаки, и меня чудом оставили в жизни.

Хотя не всем в этой больнице так повезло: в нашей палате, где лежало более 20 мальчишек в возрасте от нескольких месяцев до 14-16 лет, смерти происходили достаточно часто и несколько буднично. В больнице я очень много читал, мучая персонал просьбами об обмене книг. В палате иногда, не помню, чтобы это происходило часто, приглашенные учителя занимались с нами по отдельным предметам, иногда старшие ребята или больничные сестры читали вслух. У одного из старших мальчишек, помню его фамилию – Азарков (может быть – Озорков), была гитара. Репертуар у него был несколько странный, так что, когда родители забрали меня

из больницы, первое, что я им спел: "Гоп со смыком – это буду я!...". Папа от смеха чуть не задохнулся.

Тем не менее, меня условно, без аттестации по нескольким предметам, перевели во второй класс. Прекрасно помню свою первую учительницу – Фаину Михайловну, только что окончившую педагогическое училище, красивую с большими черными глазами, вечно преследуемую старшеклассниками, которые вряд ли были младше её самой, но влюблённую в нас – свой самый первый класс и готовую возиться с нами сколько угодно.

1952г. – военные лагеря под Тулой (Сапожниковы: дядя Боря, Ирочка, тетя Бэба – мамина сестра, Алексеевы и баба

Феня)

Моим соседом по парте был Мельников (имени уже точно не помню, кажется, Володя), у которого отец был художником. Жили они в полуподвальном помещении какого-то полуразвалившегося дома около парка им. Дзержинского. Как-то, побывав у него дома, чтобы вместе подготовиться к урокам, я долго не мог отойти от полученных впечатлений. Каморка, наполненная запахом масляной краски и каких-то растворителей, внизу на стене портрет Сталина, разбитый на квадраты, рядом незаконченный портрет того же Сталина на мольберте, свернутые холсты в рулонах по углам. Только мы пришли, к Мельникову-отцу пришел посетитель: оказалось, представитель ГосЛИТа пришел сертифицировать готовые портреты (оказалось, что у Мельникова была лицензия или разрешение на копирование портретов Вождя). Этот мужчина с лупой "прочёсывал" готовые портреты, сравнивая их с "расчленённым" оригиналом, и ставя какие-то отметки, без которых портреты нельзя было вывешивать в присутственных местах и сдавать в магазины. После его ухода мой одноклассник тут же постарался проводить меня – его отец начал готовиться "отмечать" приемку продукции без брака.

Летом 1952 года мы поехали отдыхать в военные лагеря под Тулой, где служил начальником политотдела десантной дивизии дядя Боря Сапожников, муж маминой сестры Бебы. Там мне запомнились несколько интересных моментов.

Дядя Боря был очень маленький (рост где-то около 160 см.). Соответственно, и вес у него был небольшой – не хватало, чтобы прыгать с парашютом. Поэтому он хранил дома свинцовые грузы, которые при прыжках навешивал на пояс. Там, в лагерях, мне удалось поймать огромную щуку, которая погналась за утятами и выскочила на берег. Не растерявшись, я забил ее камнем. Когда мы с гордостью тащили ее домой, она оказалась выше меня.

Помню я и похороны Сталина. Папа ушел с раннего утра, одевшись в полную полковничью форму (Наверное, единственный раз, когда я его видел в форме дома). Поскольку занятия в школах были отменены, мама решила пойти в Дом Союзов вместе с Мишей, ему ещё не было четырех лет, и со мной. Поехали от площади Коммуны (сейчас Суворовская пл.), где была гостиница, трамваем. Не доезжая Садового кольца, нас высадили. Дальше пошли пешком. Народу все прибывало. С горем пополам мы дошли до Трубной площади, но дальше проход был закрыт армейскими грузовиками, стоявшими поперек Покровского и Рождественского бульваров и улицы Неглинки. Мама хотела уже идти домой, но это оказалось невозможным: количество людей увеличивалось, двигаться было невозможно. Нас прижало к круглой рекламной тумбе в самом начале Покровского бульвара. Спасибо, какой-то молодой офицер из толпы увидел нас всех троих плачущих, мобилизовал еще несколько мужчин и забросил меня на верхушку тумбы, а Мишку посадил себе на плечи.

Эти мужчины образовали защитную зону, упершись руками в тумбу и запустив маму в эту зону. Они спасли нам жизнь.

Вокруг творилось что-то невообразимое: волнообразное движение спрессованной толпы, крики и стоны людей, треск машин из оцепления. Так мы простояли несколько часов, пока солдаты, стоявшие в оцеплении на грузовиках и за грузовиками, по чьей-то инициативе, стали вытаскивать из спрессованной массы детей. Что было дальше, не помню. Домой мы, замученные, голодные и замерзшие, вернулись только ночью и сразу заснули.

Папа вернулся ещё позже. В итоге, он прорвался в Колонный зал, но пришел домой в порванной шинели, без пуговиц, с разломанным козырьком форменной фуражки и без одной калоши.

На следующий день в школе и везде вокруг только и было разговорах о сотнях, а может быть, и тысячах погибших. Самое гиблое место оказалось в районе Трубной площади. Там погибли дети нашей завучи и еще одной учительницы, а также отец одного из наших одноклассников. Мама еще много лет корила себя за столь опрометчивое решение проститься с Вождем вместе с детьми, а я до сих пор благодарен неизвестным людям, спасшим нас в столь критической ситуации.

В сентябре 1954 года, после слияния мужских и женских школ, меня перевели в другую, которая была значительно ближе к нам – в Октябрьском переулке. Кажется, ее № был

54. В этой школе я проучился всего до апреля и ничем особенным она мне не запомнилась. Единственное – это был одноклассник по фамилии Филатов. Он запомнился тем, что у него были совершенно фиолетовые губы. Когда мы увидели его первый раз, кто-то из ребят спросил его, зачем он намазал губы чернилами. На что он очень обиделся, а учительница позже разъяснила нам, что у него большое сердце. Через несколько месяцев он умер: у него был врожденный порок сердца.

Пока мы жили в гостинице, у меня были постоянные обязанности, которые доставляли мне удовольствие: снабжать семью хлебом и молоком. Хлеб я покупал на обратном пути из школы в булочной, которая находилась на углу Октябрьской улицы сзади театра Красной Армии. В этой булочной, почему-то, верхние полки были заполнены пирамидами из крабовых консервов "Чатка". Продавщицы там меня знали и продавали мои полбуханки, нарезав к ним до нужного веса хорошие довески душистого теплого хлеба, которые я съедал по пути до гостиницы. За молоком приходилось ходить с бидоном на Центральный колхозный рынок, находившийся рядом с цирком. Дорога туда и обратно пешком по бульварам через оживленную Самотечную улицу занимала почти час. Молоко я всегда покупал у одних и тех же теток, которые меня тоже знали и которые меня угощали то ложечкой сметаны, то ложечкой свежайшего творога.

Досуг мы с гостиничной детворой проводили в находив-

шемся рядом парке Центрального Дома Красной Армии (теперь – Екатерининские сады), где зимой на катке тренировалась команда ЦДКА во главе с любимым нами всеми Бобровым. Что он – великий спортсмен, мы вряд ли понимали. Но он, а потом и несколько других хоккеистов, делая вид, что клюшка треснула, "выбрасывали" её за бортик в нашу сторону. Так что у большинства из нас были настоящие клееные клюшки. Как же нам было его не любить!

Помню полуразвалившиеся то ли дома, то ли бараки в Самарском переулке напротив стадиона "Буревестник". До самого переезда из гостиницы я иногда ходил и смотрел на один из них, стены у которого не было, а роль стены исполнял натянутый брезент с проступавшими через щели какими-то старыми одеялами. Как там могли жить люди!? После этого дома наши гостиничные условия казались раем.

1953г. – Душанбе. Баба Феня, дядя Володя Анисимов, тетя Аня, Виталик и Лидочка Фисенко-младшая сестра папы

Летом мы частенько гостили у наших друзей Тарасовых и Седовых в посёлке МВТ во Внуково. Поселок был построен из сборных домов, которые Гитлер направил для проживания высшего офицерского состава после захвата Москвы. Дома очень пригодились, но печные заслонки в них оставались исполненными в виде свастики и тогда, когда в этих домах селили отдельных сотрудников МВТ. Однажды, когда мы гостевали во Внуково, папа сообщил, что прилетает муж его сестры, дядя Володя Анисимов, который был пилотом само-

лета ИЛ-14, летающего по маршруту Душанбе-Москва. Мы решили пройти пешком до аэропорта. Когда самолет приземлился, мы с мамой и Мишей, которому тогда было 4 года, побежали к самолету (тогда это разрешалось). Дядя Володя, увидев нас, вытащил из самолета гигантский арбуз и покатил его в нашу сторону. Миша попытался его остановить, и был сбит с ног этой огромной ягодой. Расплакавшегося брата решили успокоить, показав ему внутренности самолета. Наибольшее впечатление на него произвел туалет: как же так, через дырку всё падает вниз на землю?

1953г. – с Мишей, Одесса

1955г. – с папой, Одесса

Дядя Володя на полном серьёзе посоветовал ему никогда не смотреть на пролетающие вверху самолеты с открытым ртом: мало ли что может оттуда падать. Обратнo в посёлок пришлось брать такси, т.к., помимо арбуза, дядя Володя вез и виноград, и ... "витамин Ш" (спирт, предназначенный для антиобледенительной системы и сэкономленный в ходе полета).

1953г. – Корсунские (тетя Киля – мамина сестра, её муж – дядя Сёма, сын – Рома), Ирочка Сапожникова, мама с Мишей и со мной

Дядя Володя, боевой летчик, после войны остался в Душанбе, куда была эвакуирована его жена – тетя Аня, с мамой, с сыном – Виталиком, и своей сестрой – Лидочкой.

1956г. – во Внуково

"Полковничьи выселки"

В начале 1955 года родителям предложили переехать из гостиницы на выбор: либо в 2 небольшие комнатки в густонаселенной коммунальной квартире в старом доме на площади Маяковского, либо в одну большую (аж 22,5 кв.м.!) комнату в двухкомнатной квартире в новом доме на 6-ой ул. Октябрьского поля (теперь ул. Маршала Бирюзова) – районе, в основном построенном немецкими военнопленными, и заселенном большей частью военными, многие из которых служили в Генштабе или ГРУ, и который окружающее население называло "полковничьи выселки". Они выбрали второй вариант. Нам с Мишей об этом не говорили до тех пор, пока мама не обставила комнату и места общего пользования мебелью, что в то время было очень нелегко.

И вот настал день переезда! Основной багаж из гостиницы, а также привезенный из Англии и находившийся все это время где-то на складах, включая пианино и книги, перевезли загодя. Мама уехала заранее приготовить праздничный обед, а мы с Мишей и папой поехали сами. Зная номер квартиры, я бегу вперед, тянусь к звонку и ... вижу на кнопке звонка какое-то существо. Подошедший папа определяет: клоп!!! Позже выяснилось, что учащиеся какого-то ПТУ, забавы ради, собирали клопов в спичечные коробки и раз-

брасывали их в новые дома. Слава богу, последствий это не имело, но мы с Мишей впервые увидели эту живность.

Комната, которую мы получили, была как вагон: 7,5 м в длину и 3 м в ширину с одним окном в торце, но квартира... Большая, около 10 м кухня. Прихожая около 14 м. Со всем этим мы получили и прекрасную семью соседей, поселившихся в 16-метровой комнате рядом с нами. Подполковник-артиллерист, Герой Советского Союза, в войну командовавший батареей тяжелых гаубиц и, ввиду окружения КП фашистами, вызвавший огонь батареи на себя, но чудом выживший, с супругой и дочкой – почти моей сверстницей. На общем квартирном совете тут же решили прихожую переоборудовать в коллективную столовую, где вместе ужинали и проводили праздничные обеды в выходные дни. К сожалению, они прожили с нами всего несколько месяцев: артиллериста направили в Париж, откуда он, став военным атташе, и последовательно получив звания полковника и генерала, в нашу квартиру уже не вернулся: получил что-то соответствующее званию. Но уезжая в Париж, они разрешили нам использовать их комнату, за что мы были им очень благодарны, и чем мы пользовались в течение почти трех лет, разместив в ней нашу детскую.

Получив со склада привезенное из Англии пианино мама, сама немного играющая, пригласила нас с Мишей учительницу по музыке. После года занятий эта учительница заявила, что Мишу ещё можно научить, хотя он лентяй и зани-

маться не хочет – по три раза в час бегая в туалет, но у него есть и слух, и гибкость пальцев. А что касается старшего, т.е. меня, "... посмотрите на его руки: его пальцами только гайки отворачивать". Так из меня, к расстройству родителей, музыкант и не получился.

Учиться я пошел со всеми ребятами из нашего дома и нашего двора в школу № 725, расположенную напротив, на 5-ой улице Октябрьского поля (теперь – маршала Рыбалко), а уже с сентября 1956 г. нас всех перевели во вновь построенную школу № 738. Моими неразлучными друзьями были соседи по подъезду Женька Титков и Володя Чучукин. Мы вместе заливали и чистили каток во дворе. Вместе помогали дворнику скалывать лед у нашего подъезда и разбивать клумбы во дворе. Вместе собирали металлолом, но и ... вместе лазили на крышу дома (наш дом был последним многоэтажным домом от Москвы и далее, включая институт Курчатова, до самого канала и Москвы-реки ничего нам не мешало) смотреть авиационные парады в Тушино, вместе, тайком от родителей бегали купаться на стрелку канала с рекой.

И зимой и летом папа заставлял вначале меня, а потом и Мишу каждое утро бегать в лес Покровское-Стрешнево и делать там зарядку. Вместе с друзьями мы записались и в баскетбольную секцию, но поскольку в школе я всегда был освобожден от физкультуры из-за детского ревмокардита (ни один школьный врач до самого окончания мною школы не решался пересмотреть поставленный когда-то диагноз),

первое время я хранил форму у Титкова. Вместе с моим папой мы делали лыжные вылазки через Покровское-Стрешнево до Сходни.

Моя мама, также как и папа, перед войной окончившая Днепропетровский металлургический институт, успела поработать по специальности только во время эвакуации в Казани и, потом, в Москве на заводе "Серп и Молот". Она очень любила учиться: то курсы английского языка, то кройки и шитья, то машинописи, а потом и немецкого языка. Поэтому она очень рано начала учить меня готовке. Уходя на курсы, она стала давать мне задание: – "Игорек, на ужин для мужчин приготовишь..." В жизни это мне весьма пригодилось.

Вот и новый 1957 год! За праздничным семейным столом смотрим по телевизору премьеру – фильм "Карнавальная ночь". После фильма папа спрашивает:

– Игорек, если нам с мамой опять придется на длительный срок уехать куда-либо в командировку, где нет школы, где бы ты хотел на это время остаться? В Душанбе у бабы Фени, тети Ани и дяди Володи вместе с Виталиком и Лидочкой (младшая сестра папы, всего на один год старше своего племянника), в Днепропетровске у тети Сары (сестра мамы) с Мариком и Вадиком (мои двоюродные братья) или в интернате?

Особо не затрудняясь в выборе, я тут же ответил: интернат!

Интернат. Последняя школа

Оказалось, вопрос не праздный: соответствующие решения уже имелись – родители с Мишей вновь уезжали в Англию, где к этому времени при Посольстве имелась только начальная школа. И уже в первых числах февраля из кабинета директора интерната Министерства внешней торговли, куда меня привели родители, моя будущая воспитательница, Елизавета Николаевна Данилова, ведет меня на третий этаж, где размещалось место самоподготовки 6 класса. Во время открытия двери слышу: – "Лети-и-ит!!!" и вижу летящий веник, направленный в голову одного из мальчишек. Оказалось, это обычное развлечение в группе, "проверяющее реакцию" на внешнее воздействие.

После ухода воспитательницы знакомлюсь со своими будущими одноклассниками. Среди них оказались мои старые знакомые по посёлку МВТ во Внуково – Толя Богатый и Борис Куликов, тот самый, что являлся метателем веника. Ребята, в дополнение к тому, что говорил директор, рассказали мне о структуре интерната, что образование я буду получать не здесь, а в обычной городской школе № 40 в Теплом переулке (теперь ул. Тимура Гайдара), где обучаются все воспитанники интерната, изучающие немецкий и английский языки.

Интернат находился в 4-этажном старинном здании на Большой Пироговской ул. 9А. Сейчас в нем расположено одно из структурных подразделений медицинского университета. На верху фасада здания выложено мозаичное панно: Георгий Победоносец протыкает змея. В подвале здания находилась столовая, кухня и баня, на первом этаже – большой конференц-зал, бильярдная, где стоял и стол для настольного тенниса, административные помещения и кабинет врача. В обоих торцах здания находились лестницы, которые, вроде бы, должны были соединять между собой все этажи. Но ... ближняя к входу, где всегда должен был находиться вахтер, лестница соединяла подвал, 1-ый этаж со 2-ым женским этажом и 4-ым детским (общий для мальчиков и девочек 1 – 4 классов) этажом, где женская половина могла пройти и в спортзал. На 3-ем, мальчиковом, этаже вход с этой лестницы был закрыт на врезной замок. Дальняя лестница – для мальчиков (нас было значительно больше, чем девочек). Она соединяла 1-ый этаж, часть 2-го, отгороженную от женской "светелки" стеной с запертой дверью, и где было несколько классных комнат, полностью 3-ий этаж со спальнями и классными комнатами и 4-ый со спальнями и классными комнатами для немногочисленных 9 и 10 классов, а также со спортзалом. Наша группа в количестве около 25 человек была самая многочисленная. А всего в интернате в разные времена было от 150 до 250 детей, как работников системы Министерства Внешней Торговли, так и специали-

стов промышленности.

Нравы в интернате были весьма своеобразны, чем-то напоминающие сегодняшнюю "дедовщину" в армии, о чем я убедился уже в первый день: когда время самоподготовки закончилось, нагрянули человек пять 9-ти- и 10-тиклассников для того, чтобы "прописать" вновьприбывшего. Они запихнули меня в платяной шкаф и начали переворачивать его по горизонтальной оси. После пятиминутной "зарядки", сопровождавшейся песнями и хохотом, они пожелали мне, вывалившемуся из шкафа, приятного пребывания в интернате. Сопроводив это "шмазью великой", как это описывалось в "Очерках бурсы" Помяловского (захватив всё лицо ладонью, зажав при этом нос указательным и средним пальцем), посоветовали также быть послушным мальчиком. На следующий день я стал свидетелем, как эти же великовозрастные балбесы налетели на соседнюю спальню (у нашей группы было 2 спальни: одна на 16-18 человек, где поселили и меня, и вторая на 6-8 человек) и избивали Толю Логинова подушками, после чего он до самого сна мучился головной болью.

Тогда я сразу же предложил, пригласив тоже довольно многочисленную группу 5-го класса, "совершить революцию": по одному – по два "перевоспитать" старшеклассников. Поскольку наш длинный коридор был с одной стороны заглушен дверью (к которой у ребят оказались отмычки), а пол был застелен ковровой дорожкой, мы выключили свет в коридоре и, дружно взявшись руками за ковровую дорожку,

стали ждать пока появятся старшекласники, направившиеся в туалет (туалеты были соответственно только на 2-м и 3-м этажах). Как только первые два "врага" наступили на ковер, по чьей-то команде дернув дорожку, мы опрокинули их на пол, замотали в дорожку, отмутузили, а сами сбежали через заднюю дверь. На следующий день мы перетянули через коридор веревку, с её помощью опрокинули, связали и избili поочередно еще троих старшекласников. Чтобы они не рассказали друг другу о происходящем, мы продержали первых связанными, пока не попался третий. Вечером мы направили к ним выбранных парламентариев. Условия были: прекратить "бурсу", запрещался вход на этаж, кроме как в туалет и душ. В противном случае, под страхом нашей коллективной порки, им по нужде надо будет ходить на улицу.

Утром, за завтраком наши парламентарии, подойдя к столу старшекласников, получили согласие на выдвинутые условия. Весь интернат, уже знавший о происходящем, горячо поддержал завоеванный мир. С тех пор и до окончания школы наша группа была мировым посредником по всем конфликтам, возникающим как между группами, так и отдельными лицами. "Боевая" дружба, возникшая с теми 5-классниками (в последующем в этой группе был и будущий Народный артист СССР Коля Караченцов), продолжалась и в дальнейшем. Подозреваю, что о "революции" знал и воспитательский совет интерната. С тех пор наша группа и, особенно стол, где в столовой сидели инициаторы события, стал

любимым для нашего шеф-повара дяди Саши, который в легальные добавки гарнира подбрасывал нам и нелегальные кусочки мяса и котлеты. По имевшейся у нас информации, во время войны дядя Саша был поваром командующего Тихоокеанским флотом, и нам очень повезло, что его сумели заманить в наш интернат.

В школе доля интернатцев составляла не более 10-20 процентов. Как правило, одетые лучше большинства, держащиеся сплоченными группами, мы, первое время, действовали несколько раздражающе для остальных, но при этом лидировали в общественной жизни школы. Нужно отдать должное преподавательскому составу школы и воспитателям интерната, которые много общались между собой, за то, что некоторый антагонизм был погашен в корне, в том числе и в наших 6-ых классах, где доля ребят из интерната была чуть выше. Особая заслуга в этом была директора школы – Виктории Алексеевны Афанасьевой и наших школьных классных руководителей Инны Ивановны Шпагиной (класс "А" – немецкий) и Галины Сергеевны Богуславской (наш класс "Б" – английский).

Инна Ивановна, преподаватель математики, в будущем, когда школа переедет в новое здание и окажется под патронатом Совмина, станет директором школы. Она была невероятно колоритной фигурой: лет сорока, полная, подвижная, завязанная "курилка" (даже на уроках, особенно на контрольных, могла закурить у открытого окна), с хорошим чувства

юмора, но и резкая на слово. Её "Будь здоров, целуй лампочку!" на неправильный ответ стало в дальнейшем фирменным выражением нашей компании. В начале восьмидесятых годов мы слышали, что школа, расположенная уже в новом помещении, проводит вечер встречи выпускников. Мы с Иррой решили сходить. В основном там были юные выпускники, но оказались и человек 5 из нашего выпуска и около 10 – из следующего (они в отличие от нас оканчивали уже 11-летку), включая Колю Караченцова. Пошептавшись между собой, мы позвали Инну Ивановну сходить с нами, после официальной части, в кафе. Посиделки оказались веселыми: с воспоминаниями, шутками, анекдотами. Инна Ивановна смеялась, чуть ли не заразнее всех. С той встречи мы с ней не виделись.

Галина Сергеевна, незадолго до этого окончившая институт, у которой наш класс был первым с классным руководством, преподавала английский. Секретарь учительской комсомольской, а потом и партийной организации, у которой мама была освобожденным партийным секретарем на Норильском комбинате, стремилась к совершенству отношений с нами, с родителями. Как я впоследствии узнал, ведущую переписку с моей мамой (думаю, и с родителями других воспитанников интерната, особенно тех, кто ей не безразличен). Не замуж замужняя, она вечно придумывала, чем занять наш досуг: коллективные, в том числе и малыми групп-

пами – по интересам, посещения театров, походы в музеи, лыжные и туристские походы по Подмосковию, иногда и с ночлегом. После окончания нами школы, когда и интернат был переведен в Подмосковию – в Красноармейск, она так и не смогла найти нужного ей контакта с последующим классом и ушла преподавать на курсы повышения квалификации. Но до самой своей смерти поддерживала контакты с нами, приглашала на чаепития с собственным вареньем и собственными пирогами, вела дневник класса. В честь 25-летия окончания школы активно помогала провести слет выпускников 1961 года. У нее было больное сердце и нарушен обмен веществ. В 1990 году, когда мы были в Германии, кто-то позвонил нашему сыну и сказал, что Галина Сергеевна умирает и просит нас с Ирой срочно к ней приехать. В отпуске, посетив её квартиру, мы не застали ни её, ни маму, ни мужа с сыном. Там жили посторонние люди.

В марте 1958 года я подал заявление о приеме меня в Комсомол. На том же собрании, где меня приняли, меня избрали секретарем комсомольской организации, что, в принципе, не противоречило Уставу. Когда решение о приеме должен был утвердить Райком Комсомола, на заседании меня представляла моя заместительница.

Секретарь Райкома взорвался:

– "Опять эта 40-ая! Секретарю лень прийти самому, все время присылает заместителя!"

Моя заместитель с хитринкой прервала:

– "А я представляю секретаря! У кого вопросы, – к нему".

!?!..... полная тишина в кабинете. По кивку секретаря зав. орг. сектором куда-то побежала. Вернулась через несколько минут и что-то прошептала секретарю. Тот встал:

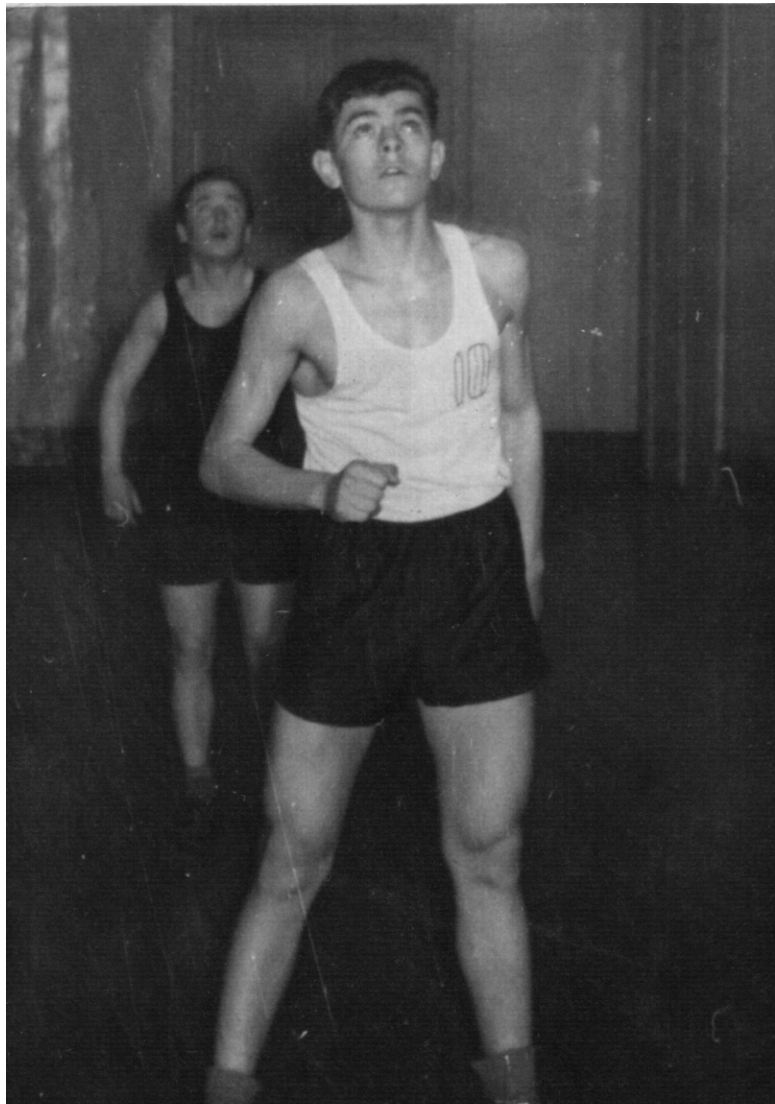
– "Неожиданно! Но Устав соблюден. Думаю, решение о приеме утвердим – коллектив знает лучше, а вопросы будем задавать в ходе совместной работы!"

Решение утвердили, а что касается вопросов, то у нас их с Райкомом друг к другу возникало в дальнейшем много. Особенно после того, как в октябре 1959г. в честь открытия сле-та комсомольцев Москвы, мне, в числе 10 лучших комсомольцев-школьников Москвы, доверили стоять в почетном карауле у мавзолея В.И. Ленина и ввели в Совет комсомольцев-школьников при МГК ВЛКСМ.

Как я уже писал, в интернате был прекрасный спортзал и там три раза в неделю тренер из института физкультуры проводил с нами занятия по баскетболу, а в остальные дни мы сами, особенно после прихода в интернат Володи Новикова, который был кандидат в мастера спорта и занимался в Динамо, – волейболом. Мы договорились с директором интерната и те "городские" ребята, кто играл в сборных школы по баскетболу и волейболу, приходили тренироваться с нами.

А пока, на собрании школьного комитета комсомола мы решили, что изменять положение в школе надо, в первую очередь, продвигая занятия спортом и, по предложению нашей старшей пионервожатой Галины Фёдоровны, выпускницы нашей же школы, у которой сестра Надя в то время училась в нашем классе, и с туризма.

В итоге наша школа в течение нескольких лет успешно выступала на первенствах Москвы и стала неоднократным призером первенств района. В мае 1961 года мы даже стали победителями открытого первенства Лужников – скоротечной пультке, в которой нам удалось последовательно победить и сборные двух спортивных (баскетбольных) школ и завоевать каждому персональную хрустальную пепельницу (!!!-для школьников?). Что интересно, наш школьный врач так и не дал мне справку о здоровье, поэтому я играл в сборных по волейболу и баскетболу, играл в настольный теннис и бегал на лыжных соревнованиях под чужой фамилией, получив настоящую справку на эту вымышленную фамилию в районной поликлинике. Об этом знали не только наши, но и преподаватели, а также и сами ребята из других школ. Но все знали, что я не подставной игрок, и за четыре года, пока я был в сборных школы, не последовал ни один протест!

На одном из следующих заседаний бюро Галина Федоровна доложила, что, по согласованию с Московским советом по туризму, мы можем получить задание на лето от музея Вооруженных сил, если до середины мая представим засвидетельствованные результаты туристической деятельности. И с этого бюро практически каждые выходные наша туристическая группа (от 10 до 20 ребят из 7-9 классов) "прочесывала" ближнее и дальнее Подмосковье, получая навыки чтения карт и ориентирования, ночуя, как придется: в палатках,

шалахах, школах, знакомясь с туристической кулинарией и обучаясь основам первой медицинской помощи.

В итоге, музей подписал с нами договор, по которому нам поручалось идти в Белоруссию для сбора сведений о партизанской бригаде имени Фрунзе, которая была уничтожена карателями в 1943 году, и о которой в Центральном штабе партизанского движения практически не имелось никакой информации. За исполнение такого поручения в течение 30 дней музей приобретал нам ж/д билеты туда и обратно, а также выплачивал членам нашей группы в количестве не более 10 человек суточные в размере 90 копеек на человека, но безналичным платежом на один из продовольственных складов Москвы. Прикинув то да сё, мы с ужасом увидели, что безналичная оплата нам мало помогает. Хлеб, картошку, овощи, мясо и рыбу (если они там есть в продаже) надо покупать за "живые" деньги. На складе же мы можем, хоть и по несколько сниженным ценам, купить сахар, соль, крупы, сгущенку, в том числе дефицитные в то время гречку и тушенку. И при всем при этом, каждому надо было вносить приличную сумму наличных, что для большинства наших туристов было неприемлемо.

Тогда было принято решение:

– все, претендующие на участие в походе, должны по утрам до начала занятий в школе или по вечерам разносить почту, девочки по отдельному графику также доставлять телеграммы, а мальчики – разгружать вагоны;

– договориться с музеем о досрочном переводе средств на склад, с которым согласовать минимум продуктов, действительно необходимых нам на пропитание, и что эти продукты будут нами получены за 2 дня до отъезда. На остальные средства следует сразу получить тушенку и гречку, которые реализовать у родственников, знакомых и школьников нашей школы.

Всё было успешно реализовано – в этом нам помогала вся школа, даже на разгрузку вагонов, что для мальчишек было адским трудом (ведь мешки с продуктами были ок. 50 килограммов), приходили добровольные помощники.

Но это были не все трудности: те продукты, что мы определили как жизненно необходимые, весили пару центнеров. А это значительно превышало допустимые нормы веса на рюкзак, особенно учитывая, что мы все были младше 16 лет – несовершеннолетние. При этом по маршруту, согласованному с музеем, нам необходимо было проходить в среднем 20 – 30 км в день. Тогда, связавшись с Дзержинским Райкомом комсомола, Минской обл., мы договорились установить нашу базу и склад в школе недалеко от с. Негорелое (до 1939 года являвшейся пограничной станцией с Польшей), откуда делать звездные маршруты. При этом поход должен был начаться только после окончания в этой школе выпускных экзаменов.

Неожиданно моё участие в походе оказалось под сомнением: уже в мае месяце на занятиях часов в 10 утра у меня

начались боли в животе, а они последнее время были у меня частенько. Меня отпустили домой (в интернат), а там наш интернатский врач отвел меня в поликлинику, где поставили диагноз аппендицит и вызвали скорую помощь. Отвезли в детскую больницу им. Семашко, диагноз подтвердили и решили делать операцию. Помыли, но тут же попросили одеться и идти к машине. Оказалось, в больнице не было одежды моего размера: в свои 14 лет у меня уже был рост 178, который остался до сих пор. Перевезли в 1-ую Градскую. Пока то, да сё у меня уже кончились боли. Время приближается к 8 вечера. Врач спрашивает: отпустить домой или подождёшь ещё. Говорю: если дадите что поесть, то лучше уж закончить. Прямо в предоперационной мне дали что-то пожевать и в 11 сделали операцию. Под действием наркоза в палате я сразу уснул, а в час ночи меня разбудил хохот вновь прибывшего из операционной больного. Можете себе представить: палата где-то на 20 человек, все спят, на каталке ввозят хохочущего больного, которого перекалывают на соседнюю койку смеющиеся санитары.

Так я познакомился со своим соседом Василием – кузнецом с ЗИЛа и начался один из самых веселых эпизодов в моей жизни. Когда Василий смог говорить, он рассказал, смеясь и постанывая от боли:

– Представляешь: привезли меня в предоперационную, и входит такая красавица лет 17 и просит меня раздеться. Конечно, я разделся, а мой "дружок" от такой красоты встал

в полный рост. Сестрица, не смущаясь, ударила по нему резиновым молоточком, и он сник. Только она приготовилась меня брить, как дружок от любопытства вновь вскочил. Она его чем-то смочила, опять ударила – ноль внимания. Тогда бедная девочка заплакала и убежала, а вместо неё пришла какая-то баба Яга, на которую дружок не реагировал.

Этой ночью мы так и не смогли уснуть: вначале смеялись, а потом, когда отошла заморозка, мучились от боли.

Вечером к нему пришли посетители – парни с завода из его бригады.

Принесли четвертинку, круг какой-то полукопченной колбасы и селедку. Быстро сервировали. Я пить не стал, но поесть-то я никогда не отказывался. И тут входит дежурный врач, увидел на газетке очистки от колбасы и селедки и чуть не потерял дар речи: – "Обоим по полной клизме! Повторится – выгоню без больничного листа!" Не пожелаю врагу своему такого "удовольствия" – получать полную клизму на следующий день после операции.

На следующий день была прекрасная солнечная погода, и врач разрешил всем, кто хочет и сможет, на лифте спуститься на улицу. В полисадничке кормятся голуби. Василий говорит:

– Давай голубей ловить.

– А как? Мы же еле шевелимся.

– Опустимся на колени, будем сыпать хлебные крошки ближе и ближе, чтобы голуби были в зоне досягаемости рук.

А потом будем просто на них опрокидываться.

Сказано, сделано. Когда мы, по его команде, опрокинулись (голуби, конечно же, улетели), то уткнулись лбами в асфальт и из этой позы самостоятельно уже выбраться не смогли – помогали дружно как хохотавшие больные, так и речущие санитары.

Не проходило дня без каких-либо проделок Василия. Наши койки стали "красным уголком" хирургии, куда стягивались все ходячие больные. И, при первой возможности, зав. отделением выписал нас.

Конечно, я получил освобождение от последних дней занятий, но дела подготовки к походу заставляли шкандебать в школу – поскольку до отъезда оставалось больше месяца, я надеялся принять в нем участие.

Ура! Подготовка закончена! Разрешение врача (без тяжелых нагрузок?!) получено. Мы едем!

Не буду описывать наши будни. Но несколько моментов нашего путешествия "врубилась" мне в память на всю жизнь.

Прибыв в Дзержинск, мы пошли на встречу к секретарю Райкома. Он задерживался, и нам предложили "попасться" у растущих во дворе черешен. И пока мы обедались черешней, у нас утащили принадлежавший мне фотоаппарат. Конечно, его так и не нашли. Фоторепортаж о походе пропал!

Оказалось, что в ближайший выходной день в лесу под Негорелым на большой поляне намечался слет партизан Минской обл., посвященный 25-летию открытия фашистами

"второго" фронта против партизанского движения. Прибыв заранее, мы увидели вдоль опушки на расстоянии друг от друга десятки табличек с наименованиями бригад и отрядов. Выбрав нужную нам – "Бригада имени Фрунзе" мы расположились неподалеку и наблюдали, как подъезжают автобусы и машины, как шли мужчины и женщины от ближайшей остановки. Люди обнимались, целовались, плакали и смеялись. Но, ... к нашей табличке не пришел ни один человек! Мы поняли, как нелегка поставленная нам задача.

Однажды, сделав днёвку в лесу, на берегу Немана вечером мы варили уху из свеженаловленной нами собственными руками (без сетей и удочек) рыбы, когда из лесу к нам подошли двое мужчин:

– Вы из Москвы?

– Да.

– Кто старший?

– Я, старшая пионервожатая, – ответила Галина Федоровна.

Посмотрели на её несолидный вид: хрупкая девчонка с двумя косичками-хвостиками

– А кто ещё?

– Мы, – вперед вышли три наших будущих десятиклассника: Виталий Алексенко, Боря Фавр и Володя Федосеев.

– А кто старший по партийной линии?

– Я секретарь комсомольской организации школы, – ответил я.

Изучив меня пытливыми взглядами, они попросили:

– Пойдем с нами.

На попытки ребят воспрепятствовать, они впервые улыбнулись и пообещали привести меня назад не позже, чем через 1,5 – 2 часа.

Минут через 10 – 15 они привели меня к костру, которым занимался ещё один мужчина. Предложив мне место у костра, они представились. Оказалось, что эти три человека являются членами **подпольной (!!!) ячейки ВКП(б)**. В ответ на моё недоумение они разъяснили, что эта территория исторически принадлежала Польше и, хотя у них давно создан колхоз, живут люди, в основном, на разбросанных на расстоянии друг от друга хуторах. Преданные Советской власти люди, в большинстве своем, погибли во время войны, а те, кто лояльно или нейтрально относились к фашистской оккупации – уцелели, мелкие же фашистские прихвостни, чью вину в злодеяниях доказать не удалось, давно отбыли свои наказания. Таким образом, эти две группы населения в этом районе составляют абсолютное большинство, и их отношение к власти не совсем такое, как об этом пишут в прессе. Поэтому свои партийные вопросы ячейка обсуждает тайком в лесу подальше от посторонних глаз. Они разъяснили, что, т.к. радио у них нет, а пресса приходит очень нерегулярно и с опозданием не менее 2-х недель, то имеющаяся информация о появлении в их окрестностях группы москвичей позволила им надеяться на полноценную политинформацию о собы-

тиях в стране и за рубежом. Со своей стороны они предупредили, что мы должны быть осторожны в своих расспросах, т.к. не всем нравится их направленность, и лучше они подскажут нам, куда идти и с кем общаться. Через два часа, довольные друг другом, мы вернулись к нашему лагерю, где уже начиналась некоторая паника, а мой друг Женька Лейбович агитировал ребят вооружиться топорами и идти мне на помощь. Утром, перед нашим уходом, один из вечерних гостей принес нам с пожеланиями успехов в нашей миссии несколько свежеиспеченных их женами буханок хлеба.

Уже на следующий день мы убедились в правоте предупреждения "подпольщиков" – проходя по полю в сторону одного из хуторов (до сих пор помню его название – хутор "Коза") мы были обстреляны из леса.

Совместно решили изменить маршрут и не идти "на абум Лазаря", а обратиться к рекомендованным людям. В итоге, от одного к другому мы сумели найти троих бывших "Фрунзенцев". Разделившись на группы, мы собрали этих троих в школе, где преподавал один из них – в прошлом кадровый военный, раненный во время разгрома бригады, прошедший муки фашистских концлагерей и Гулага.

Картина этой встречи ветеранов, не видевших друг друга и не слышавших о других с февраля 1943 года, ярка, как при свете молнии. Затаившись в углу комнаты, не разговаривая, чтобы не помешать им, мы наблюдали за слезами радости от встречи и горечи от потери друзей, слушали их пес-

ни. Несколько раз за вечер и ночь этой встречи они напевали песню "О Лавском бое", написанную их погибшим боевым другом в ознаменовании победы, одержанной в ходе первой антипартизанской карательной операции совместно несколькими партизанскими отрядами, которые после этой победы объединились и создали бригаду им. Фрунзе. Мы записывали все, что говорилось: имена, даты, места событий и т.д.

Особенно нас впечатлила история, рассказанная директором машинотракторной станции, который во время войны в возрасте 22-23 лет возглавлял взвод конной разведки бригады. Выполнив порученный командованием рейд по дальним районам с целью разведки и установления контактов с соседями (в бригаде не было собственной радиостанции и именно поэтому в ЦШПД было так мало сведений о ней), он вернулся в родной лес, но там никого не было – бригада была уничтожена. Тогда на базе своего взвода он создал новый конный отряд "Красные мстители" и стал мстить за своих друзей, налетая на полицейские управы и гарнизоны фашистов, взрывая мосты и железную дорогу. За счет высокой маневренности отряд был неуловим. Уже к концу 1943 года из небольшого взвода отряд превратился в крупную военную силу, насчитывающую несколько сот бойцов. Тогда он был вызван в Москву в Кремль, где ему вручили (по его словам – "сам Сталин") Звезду Героя Советского Союза и орден Ленина. Но уже на выходе из Кремля он был арестован и предан

суду военного трибунала. Приговор: "лишение всех наград и штрафной батальон – за "нарушение Устава партизанского движения". Оказалось, что, не имея постоянной зоны боевых действий и перемещаясь из района в район для нанесения своих ударов, без согласования своих планов с Центральным, а в дальнейшем, и с Белорусским штабами партизанского движения, а также с партизанскими отрядами, расположенными в зонах предполагаемых диверсий, "Красные мстители" подставляли эти отряды под неожиданные карательные контрмеры фашистов. В результате, несколько таких соседних отрядов были уничтожены.

После ранения в штрафном батальоне и возврата наград он добровольно остался в штрафном батальоне, был неоднократно ранен, награжден многими наградами и закончил войну на Зееловских высотах, командуя сводным штрафным батальоном и приняв на себя командование соседним полком. Был демобилизован по состоянию здоровья (множество ранений) в звании полковника, имея большое количество наград, в том числе – три ордена Ленина.

Утром, после небольшого отдыха, мы развезли наших ветеранов по домам (дальнего – за 50 км) на заимствованном у соседнего предприятия транспорте.

Расшифровка и обработка сделанных нами записей длилась 2 дня, после чего, рассчитав имеющиеся средства, мы решили выйти напрямки на станцию Столбцы и накоротке съездить в Брест, в крепость. И тут нам не повезло: на нашей

карте, предоставленной нам музеем, не была обозначена запретная зона, где нас тут же арестовали. Продержав нас под арестом в течении почти целого дня, поочередно вызывая на дознание и изучая наши записи, военные в конце концов нас отпустили. Войдя в наше положение, они загрузили нас в закрытую металлическую хлебозвку, провезли через всю территорию зоны и доставили на станцию.

Отчет об экспедиции был сдан в музей, который поблагодарил нас за работу, а копия отчета, копия письма музея и все маршрутные карты с заверенными отметками всех посещенных мест были направлены в Московский совет по туризму. В результате всем участникам группы был присвоен спортивный разряд по туризму.

Занятия туризмом в школе на этом не закончились: неоднократно ходили в походы выходного дня, в том числе с ночевками, проводились туристические слеты.

Зимой 1960 года по заданию литературного музея мы ходили в поход по Есенинским местам. Жили мы в деревне Константиново в доме-музее Есенина, сложенном из бревен сгоревшего подлинного дома Есенина, где встречались с людьми, знавшими его. Много беседовали с его приятелем Андреем Соколовым, который рассказал нам, почему среди всех стихов Есенина нет ни одного о свинье. "Однажды после свадьбы одной из наших приятельниц мы с ним проснулись, лежа в луже рядом с хрюшкой. Сергей тут же поклялся никогда о ней не писать". Нам пришлось и разнимать его

бывших подружек, которые после воспоминаний о нем никак не могли определить, кому он отдавал предпочтение.

Было там и неприятное событие: Как оказалось, в деревне не было своей пекарни и своего магазина. Пришлось нам с Женей Лейбовичем бежать на лыжах в соседнюю деревню (около 8 км). Погода стояла хорошая – почти без ветра, видимость хорошая, ориентиры нам разъяснили. Думали: за полтора – два часа управимся. Уже на подходе к этой деревне начало мети. А когда мы, выстояв почти час в очереди, купили нужные продукты, разыгралась настоящая метель. Сначала мы шли по еле заметным собственным следам, но вскоре они все были заметены. Тогда решили пойти в ту сторону, где по предварительным описаниям местных жителей должна была проходить линия электроснабжения. Час – ничего! Второй – выходим на те ориентиры, которые были в самом начале обратного пути – совершили круг. Делаем корректировку и вперёд. Ещё час – ничего! Устали! Решили отдохнуть – замерзли! Тогда вперёд! А ветер и снег не ослабевают. Единственный оставшийся ориентир: направление ветра. Если же он изменился – то нам труба! Вновь передышка и тут...: слышим по ветру лай собаки. Пока не потеряли направление, что есть сил, побежали. Оказалось – Константиново. В итоге наш обратный путь занял около 5 часов. Наша группа, находившаяся уже не в лёгкой панике, поднявшая на ноги соседей, встретила нас и слезами и руганью. Нас измученных и обмерзших запихнули на печку. Местные жители

тут же принесли нам жареной картошки, огурцов и квашеной капусты, а нам с Женькой налили по полстакана самогона, после которого мы проспали почти 20 часов. А потом ... началось самое страшное: обмерзшие носы, уши, руки и ... то, что ниже пояса, начало опухать, а потом и шелушиться. Как мы закончили поход – вспоминаю уже с трудом. Но обмерзшие выпуклости на всю жизнь привили мне нелюбовь к морозам.

Летом 1960 года мы получили задание института развития народного хозяйства собрать информацию об истории развития экономики Жигулей. Этот поход мы доработали сами, решив посетить города Горький, Казань, Ульяновск, Куйбышев и Сталинград. Для этого, заранее договорившись с пароходством, мы нанимались матросами-грузчиками на суда, идущие по нашему маршруту, а ночевали на верхних палубах.

Прибыв в Жигули на пристань "Бахилова поляна" и, разбежавшись "мальчики – направо, девочки – налево", мы не смогли пойти дальше, и были вынуждены сделать днёвку: за 15 минут собрали почти 4 ведра белых грибов – каждый нес из леса грибы кто в майке, кто в рубашке, кто в чём. Решили набрать ещё грибов: как следует отъесться и заготовить впрок сухих грибов и полуфабрикатов.

Пока ходили по сопкам, мы с Женей Лейбовичем решили следующий восход солнца встретить на макушке одной из них, заранее пометив ориентиры ночного туда путешествия.

По темну добравшись наверх, вымокшие от росы и тумана, мы стали ждать.

Начало светать, но видимости не стало никакой: вытянув в тумане руку, было невозможно увидеть пальцы. Стояла полная тишина. Вдруг наши головы вынырнули из тумана, как из молока. На востоке появилось солнце. Слой тумана стал оседать, появились первые деревья на нашей сопке, потом, как острова в океане, стали выступать из "молока" макушки соседних. Эти сказочные видения стали сопровождаться какофонией звуков: песнопения, чириканье и ор различных птиц, за ними зазвенели цикады и кузнечики, зазвучала капель сбегаящей росы. Такую картину желаю прочувствовать любому любителю природы.

Нечто подобное, по впечатлению, я увидел в июне-июле 1967 года, когда по окончанию института пошёл в поход на Алтай. Выбравшись утром из палатки, был поражен открывшейся картиной: выпавший за ночь снег толстым слоем покрыл всё вокруг. Заснеженные зелёные деревья и кустарник, белая, как сметана, земля и только над снегом, в свете встающего солнца, стоят поникшие головки фиолетовых диких пионов и фосфорицирующих оранжевых жарков. А воздух весь пронизан нежным и сильным запахом цветущих пионов. Сказка!

Летом 1959 года решением правительства полные средние школы при Посольствах СССР во всех странах, где они к тому времени ещё были, преобразовали в школы-восемилет-

ки. В основном это касалось стран-членов СЭВ, а также ряда других стран. Соответственно, часть детей из этих стран должны были поступить в существовавшие на то время интернаты МИДа, Минвнешторга и Минобороны.

Руководство интерната также ввело некоторые новшества: в частности, утреннюю зарядку следовало проводить совместно для мальчиков и девочек. Ранее девочки упражнялись, а мы распотягивались, умывались и шли на зарядку уже полуодетые, чтобы после этого сразу идти завтракать. И тут такой пассаж! Мы приходим полуодетые, в брюках, с пиджаками и портфелями в руках и нас выстраивают в колонны по классам, а впереди стоят девчонки только в спортивных трусах и майках. В нашей колонне 9-го класса впереди стоит новенькая. И какая?! Фигурка точеная, темная коса с рыжеватым отливом, толстая и пушистая, ниже пояса. После экспедиции в Белоруссии и отдыха с родителями, у которых в то лето был отпуск на Родине – в Нижнем Эшери под Сухуми, я вернулся в интернат за несколько дней до начала нового учебного года. Как к одному из самых авторитетных воспитанников, воспитатели приводили ко мне многих новичков, чтобы я помог им освоиться в интернате. И тут на мой вопрос:

– Кто это?

Тут же последовал ответ нашего новичка Сережи Матвиевского:

– Это Ира Малова, мы с ней вместе учились в Праге.

– Ирэна! Ей это имя идет. Познакомишь!

Конечно, знакомить ему нас не пришлось: её определили в школу в наш класс. Уже через несколько лет, когда мы бы-

ли женаты, Ира призналась, что ей сразу донесли о моей реакции, и что ей очень понравилось, как я её назвал Ирэной.

В конце сентября 1959г., при подведении итогов деятельности комсомольских организаций Фрунзенского района Москвы, стоял вопрос, кому присвоить первое место: нам или ещё одной школе. Я подошел к секретарю Райкома и попросил присвоить нам второе место:

– По-моему, будет неправильно присвоить нам первое место, после того, как мы ранее и в сотню не попадали. Тем более, что наше бюро было избрано лишь в марте. Наши же конкуренты среди лидеров уже не первый год, а их секретарь кончает школу.

– Ты будешь указывать Райкому?

Нет, буду просить Райком и чтобы о моей просьбе широко не распространялись.

В итоге нам присвоили 2-ое место, чем было очень гордо руководство школы, и, как я узнал позже, мою просьбу, вопреки мнению Секретаря Райкома, поддержало большинство членов бюро.

После введения меня в Совет комсомольцев-школьников Москвы и публикации в "Московском комсомольце" списка комсомольцев, удостоенных чести стоять в почетном карауле у мавзолея Ленина, надо было отрабатывать полученный аванс.

По согласованию с районным отделением милиции и в ознаменование предстоящего 90-летия со дня рождения В.И.Ленина в школе объявили набор в бригаду содействия милиции ("Бригадмил"). Вопрос в районе стоял достаточно остро: помимо того, что Усачёвка была одним из криминальных центров Москвы, в находившемся рядом с интернатом доме 9 по Большой Пироговской улице не было семьи, где хотя бы один мужчина не находился в заключении. Совместно с милиционерами наши бригадмилы дежурили на праздниках, на выборах, контролировали соблюдение режима условно освобожденными, а также контролировали соблюдение порядка на территории школы. Всё это длилось не очень долго – Бригадмил был расформирован. Но в этой истории был один занимательный случай: однажды вечером мы с моим другом по интернату и школе, Толей Богатым,

который был председателем Учкома в школе, возвращались после прогулки.

Не доходя здания интерната, мы были встречены группой подвыпивших подростков. Они предложили Толе идти дальше.

– Нет! – ответил Толя.

Тотчас он получил солидный удар и упал. Я приготовился к неравной драке. Раздался окрик и из подворотни вышел ещё один парень.

– Игорь, ты?

Девочки нашего класса с Галиной Сергеевной (вторая слева),

Ира-третья справа

Я тотчас узнал в нём капитана баскетбольной команды одной из школ с Усачевки, которую он окончил в этом году. С ним у меня не раз были конфликты на почве игры, но в целом мы были с ним в нормальных отношениях. Оказалось, один из учеников нашей школы, недовольный деятельностью Бригадмила, "заказал" Игоря Алексеева братве с Усачевки. Но, т.к. в баскетбол я играл под чужой фамилией, братва не связала меня с заказом. Заказчик, стоявший в той же подворотне, был привлечен к разборке и, когда было выяснено, что наш Бригадмил не "производит" и не нарушает правил игры, заказ был снят, заказчик наказан, а Толе помогли очухаться, и довели нас до интерната. Нас попросили извиниться и забыть об инциденте.

В школе в старших классах, помимо общеобразовательных дисциплин, у нас был факультатив: автошкола, где мы изучали правила уличного движения, строение автомобиля. На принадлежавшем школе грузовичке проходили практику вождения (после окончания школы нам выдали юношеские права), а также производственная практика на находившемся рядом текстильном комбинате "Красная Роза" имени Розы Люксембург, где я получил специальности сновальщик и ремонтник ткацких станков. И, хотя нам эта практика каза-

лась никому не нужным занятием, по прошествии лет могу сказать: она помогала понять жизнь. Некоторые наши одноклассники, не поступавшие в институты или провалившие экзамены, после школы работали на комбинате.

В апреле 1960 года я единственный раз в жизни заработал выговор по общественной линии, полученный от Райкома за срыв мероприятия по массовому приему в комсомол в ознаменование 90-летия со дня рождения В.И.Ленина. Наше школьное бюро, вопреки общим рекомендациям, решило отказаться от массового приема, а принять 1 – 2 лучших из числа кандидатов.

В конце 9-го класса меня пригласили к одному из секретарей Фрунзенского Райкома партии. После длительной беседы на различные темы мне было сделано совершенно неожиданное предложение: оказалось, наш район имел право по направлению Райкома партии и рекомендации Райкома комсомола направить в МГИМО, который находился в нашем же районе, одного человека без экзаменов.

На следующий год предполагалось рекомендовать на это место меня, при условии, что я не стану учиться хуже и буду продолжать общественную работу. Мне было рекомендовано выбрать заинтересовавшую меня специальность, которую я мог бы получить в МГИМО, и в начале сентября вновь прийти в Райком и подать заявление о поступлении. О сделанном предложении меня попросили помалкивать. В августе 1960 года в Москве произошла административная

реформа, по которой московские районы были перекроены: Фрунзенский район с внешней стороны ограничивался Садовым кольцом и МГИМО, расположенный тогда в здании у Крымского моста, остался в нем, а наша школа, находившаяся вне кольца, попала в Ленинский район. Однажды, когда я был в Райкоме комсомола, первый Секретарь попросил зайти к нему и сообщил, что, к сожалению, о предложении по поводу МГИМО по этой причине следует забыть.

Однако наши старшие товарищи просили меня подумать о перспективах получения высшего образования в одном из учреждений КГБ, при этом какие-либо консультации с кем-либо, включая родителей, которые к этому времени уже вернулись из Англии, категорически запрещались. Ответ, который весьма разочаровал моего собеседника, я дал незамедлительно – тут сказала и определенная усталость от вечных тайн в семье, а также разочарование от провала предыдущего предложения. Кроме того, я уже дал накануне отрицательный ответ своему папе, который подъехал ко мне с предложением подумать о поступлении в институт военных переводчиков.

Предстояло самому задуматься о своем будущем. Тогда я, очень любивший математику, Ира Малова, одна из лучших учащихся в нашей школе, у которой родители к этому времени вернулись из командировки в Чехословакии, и Виталик Сахаров, наш одноклассник и однокашник по интернату, талантливый, но несколько неорганизованный, подали

документы в вечернюю физико-математическую школу при Московском физико-техническом институте.

1. Нодя Куракина	7. Сергей Михайлович	13. Лера Иванова	20. Юра Билот
2. Сергей Сергеевич	8. Илья Лобанов	14. Сергей Гончаров	20. Валера Сейров
3. Валера Белов	9. Аня Кобрина	15. Эра Малова	21. Валера Бобов
4. Катя Филиппова	10. Нелла Лебедева	16. Света Соловьева	21. Игорь Алексеев
5. Жаня Лойдovich	11. Кале Кошлов	17. Марина Затеронова	23. Лилия Колитов
6. Вал Ширнова	12. Ляша Рыбчев	18. Голя Кукина	24. Лилия Богатырь

25. Лява Яковлевич	27. Володя Мализин	30. Боря Капустин
26. Паша Рогошин	28. Ян Соловьев	31. Виталик Сахаров
	29. Ольга Бригирова	

На снимке
Валера Власов и Лодя Косишиной

Ушлись :

Бася Моисеевна - шитье 8-9 кл.
Галина Сергеевна - кл. р.уч. Блудвик
Богданович
Ольга Ивановна - заб.уч.
Антон
Анна Моисеевна - шитье
Хейрлиц
Зорья Георгиевна - шитье - ра 10 кл.
Кафанова

Александра Алексеевна - геогра 8 кл.
Витийорья Алексеевна - дирижер
Франциска
Ксения Наринеевна - физик 6-9 кл.
Мовейлова
Надежда Моисеевна - машинно -
швейное
Ирина Ивановна - математика
Игнатина

1961 г. – Выпуск 40-ой школы. 10"Б" класс

В марте 1961 года, накануне выборов в школьных комсомольских организациях, меня и секретаря ещё одной школьной организации пригласили в Райком и предложили выступить с инициативой "Комсомольцы – после школы на ударные стройки Москвы!", создав и возглавив, при этом, две соревнующиеся бригады. Нам обещали дать в помощь необходимое количество специалистов – профессиональных строителей, а после 2-3 лет нашей работы такими бригадами – оказать действие при поступлении в выбранные институты. Я, памятуя предыдущие предложения, незамедлительно отказался.

Студенческие годы

Вот и "школьные годы чудесные", заполненные учебой, общественной работой, спортом и туризмом, позади. Предстояло определяться.

Женька Лейбович, влюбленный в романтику природы, недолюбливающий толчею и тусовку, решил давно – в геологи! Мне эта специальность была весьма по душе, но ещё со времен экспедиции в Белоруссию я, к сожалению, знал, что у меня аллергия на москитов: утром, вылезая из палатки, я долго не мог открыть глаза на распухшем от укусов лице. Никакие репелленты не помогали! Эта специальность не для меня!

Ира собиралась поступать в МГУ на специальность математическая экономика, но гуманитарное образование – не для меня!

Наши товарищи по школе: Виталик Сахаров, Коля Козлов, Володя Самарин и Саня Сенечкин, влившийся в нашу компанию приятель из соседнего пионерского лагеря, решили идти в МВТУ им. Баумана, где у Коли его брат по матери – Лёня Бебчук, был аспирантом и членом приемной комиссии.

После некоторых раздумий я решил поступать в МФТИ (Физтех). Считалось, что вступительные экзамены там са-

мые сложные среди технических вузов Москвы, но зато каждый сдавший без "неудов" – зачислялся, а каждый поступивший обеспечивался общежитием – институт располагался под Москвой в г. Долгопрудный (за долгое время отсутствия родителей я привык к самостоятельности). Кроме того, в МИФИ и МФТИ – экзамены в июле, а в остальных – в августе, есть возможность на резерв.

Сдаю документы. Экзамены:

– математика письменная – отл.,

– сочинение – хор. (Ура!),

– физика письменная – уд.,

– математика устная: преподаватель (он преподавал в физ.-мат. школе) спрашивает, буду ли я тянуть билет, или отвечать на блиц-вопросы. – "Мне всё равно!" – "Посмотрим!" – отл. (Преподаватель обвел оценку красным карандашом и расписался),

– физика устная – уд.,

– английский – отл.

Ура!!! Зная количество отсеянных из-за "неудов" и оценивая, что сдавших экзамены меньше, чем предполагался набор, по-моему, сдал.

Но... Прихожу на день объявления результатов... Меня в списках нет!!! Иду в деканат забрать документы. Меня приглашают к декану и предлагают подать заявление на зачисление кандидатом – т.е. на первом семестре мне не будет выплачиваться стипендия и предоставляться общежитие. Пе-

ревод в действительные студенты – по итогам первой сессии. Я подаю заявление, а декан предлагает 31 июля прийти с отцом на прием к ректору – генерал-майору Петрову, который и должен наложить резолюцию на мое заявление с положительным заключением декана.

Приходим с папой на аудиенцию. В приемной народу много. Вижу генерал-лейтенанта с двумя сыновьями-близнецами, которые сдавали экзамены в одной со мной группе. Оба получили по "неуду" за физику. По вызову люди входят и выходят радостные. Приняли и близняшек. Последними вызывают нас. Задают пару вопросов, декан дает рекомендацию. Ректор говорит: "Отказано – мест больше нет!" – (???) и просит папу остаться. Мы с деканом выходим, он тут же отдает мне все документы, включая академическую справку по результатам экзаменов, и рекомендует срочно на такси мчаться в другой институт, приемные комиссии в которых закрываются через 2,5 часа. Тут выходит папа и поддерживает совет декана. Я умчался, а он остался поговорить.

Сдать документы в МВТУ успел. Дома вижу зареванную маму: оказалось, ректор заявил папе, что, поскольку ВУЗ режимный, список кандидатов уже был заранее согласован в "инстанциях", а декан папе откровенно сказал, что Петров – ярый антисемит и, поскольку моя мама еврейка, никакие уговоры декана не помогли. Для папы и мамы это было началом крушения их идеалов: оба давали неоднократные подписки о секретности – папа, как действующий сотрудник

ГРУ, мама – как внештатный сотрудник. Работать за границей – можно, а сыну учиться в режимном ВУЗе – нельзя.

Готовимся к поступлению в МВТУ вместе: Лёня Бибчук снабдил нас вопросами прошедших лет. Накануне первого экзамена Лёня отзывает меня в сторону и говорит: "Игорёк, тебя не примут". По просьбе Лазарева, ректора, приемная комиссия дала ему списки людей, имеющих проблемы с 5-ой графой (национальность). Я не верю. Сдаю экзамены – сочинение (хор.), английский (отл.), математика письменная (отл.),

Прихожу на устную математику. Моего экзаменационного листа нет. Бегаю, ищу. Через 4 часа находят. Захожу в аудиторию. Осталось 2 человека. Мне протягивают билет (других нет). Через 10 минут подходит преподаватель Брушлинский, из 5 вопросов – 2 отвечено, на 3-ий пометка – "графически", к двум оставшимся – ещё не приступал.

– "Неуд! Вы свободны – из 2-х отвеченных, один – неправильно, третья задача решается уравнением!"

Приезжаю к нам в штаб, где мы все вместе готовились, нахожу решения, еду в МВТУ, нахожу Брушлинского, протягиваю ему решения – первые 2 решены верно, третье трансцендентное уравнение решается графически. Говорю, что он был неправ!

– "Наглец! Мальчишка! Пошёл вон!"

Сжал кулаки, едва удержавшись, чтобы не ударить – "Мудак!" – и... ушёл. Родителям не стал ничего комментировать

– просто "провалился".

Через несколько дней звонит Володя Самарин, также не поступивший: Автодорожный институт объявил дополнительный конкурс.

Приходим и предъявляем академические справки: я – из МФТИ, Володя – из МВТУ. Его направляют на досдачу одного экзамена, мне на заявлении пишут "Зачислить без экзаменов – по академической справке из МФТИ. В итоге нас обоих зачисляют на специальность "аэродромные машины".

В первые же выходные дни после поступления в институты решили нашей старой школьной компанией сходить в поход. Как всегда, заранее разбросали, кому, что брать с собой. В субботу утром, когда должны были встретиться, льет проливной дождь. Мама считает, что в такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выпустит и что никто не придет. Добираюсь до платформы Покровское Стрешнево. Никого. Через 10 мин появляется Женька Лейбович. Ждем еще полчаса. Никого. Решаем провести ревизию того, что мы оба имеем с собой. Полно огурцов, помидоров, сахара, макарон, риса и хлеба (все брали из расчета на предполагавшихся 8-10 человек), чайник, пара банок бычков в томатном соусе, одна банка тушенки, одна кружка и одна ложка, 2 топора, 2 ножа и ... 1 бутылка водки (взяли на всякий случай для растирания). Ни палатки, ни котелков! Решили идти: не пропадем! Доехали до Опалихи. Сократив предполагаемый маршрут, прошли около 5 км и остановились в сосновом лесу у

маленького ручейка. Сколотили шалаш, даже больше двунакатный навес, под который также и набрали хворосту. Разожгли костер, высушили одежду, вскипятили кипяток, растерли друг друга небольшим количеством водки и забрались под навес. Из огурцов сделали рюмки, в которые разлили немного водки, закусив теми же "рюмками". До вечера воскресенья мы расслаблялись: воспоминания о нашей жизни, планы на будущее, пересказы друг другу прочитанных книг и т.д. – как же хорошо было это время! Никогда ни до и ни после этого похода у нас с Женькой не было столько времени на душевный искренний разговор.

В то время, по решению Хрущева, все студенты, поступившие в ВУЗы на очные отделения по окончанию школы, должны были на первом курсе учиться и работать в две смены. Из предложенных мест я выбрал работу на Павшинском (г.Красногорск) механическом заводе. После утренних занятий к 16.00 я мчался на завод, в 0.15 последним автобусом уезжал с завода и к часу ночи приезжал домой. Утром к 9.00 – опять на занятия. На следующей неделе – с 6.00 до 16.00 на заводе, а с 18.00 до 23.00 – в институте. И так 5 дней в неделю, только по субботам – утренние занятия без завода. Получив специальность токаря, я работал на большом станке с диаметром планшайбы в 1 метр, где торцовка чугунных конвейерных тележек весом около 80 кг длилась более 30 минут. Устанавливали эти заготовки вручную, т.к. один талерный кран, подходящийся на 5 или 6 рядом стоящих станков, не

позволял пользоваться им всем токарям. Установка и центровка заготовок занимала тоже до 10 минут. Рядом стояли простаивающие токарно-револьверные и сверлильные станки, для которых не хватало персонала. Тогда я стал брать дополнительно заказы и на эти станки, где изготовлял втулки. После того, как я стал работать сразу на трех станках, в первый же месяц я заработал более 500 рублей (столько много я не зарабатывал ещё в течение 25 лет), чем вызвал недовольство кадровых рабочих в цехе, опытнейшие из которых зарабатывали не более 350-400 рублей. Начальник цеха и нормировщики нашли способ ввести "поправочные" коэффициенты за параллельную работу на нескольких станках – моя зарплата не стала превышать 250-300 рублей, в то время, как при работе на одном станке она не превышала 150-200.

Во время работы на заводе я впервые решил бросить курить, т.к. после начала обработки детали все садились и начинали курить – в итоге выкуривали очень по многу. После моего решения мы поспорили с другими рабочими, что в течение месяца я не выкурю ни одной сигареты. Поспорили на ящик водки! Тогда все рабочие в цехе стали приходить курить к моим станкам и, заодно, предлагать выкурить с ними. В итоге я выиграл спор, партнеры купили водки и закуски и мы всем цехом пошли "отмечать" завершение спора на берег протекающей по соседству Москвы-реки. Когда водка кончилась и некоторые улеглись на солнышке отдыхать (кое-кто и до утра) я с удовольствием ... закурил.

Хотя практику совмещения учебы и работы в дальнейшем раскритиковали и отменили, могу сказать, что для будущего инженера производственная практика была значительным подспорьем в знании технологии производства, умении читать чертежи.

По МАДИ мне запомнился лектор по химии – профессор Никитин. Полный, лысый, обладающий высоким чувством юмора (как он сам говорил, переболевший менингитом, после которого люди либо умирают, либо остаются дураками), он умел самые сложные понятия донести до аудитории самым понятным способом:

– "Что такое расщепление атома? Этот физико-химический термин вы будете встречать часто. Возьмём в качестве примера нашу красавицу Наташу Эйдлен. Наташенька встаньте, чтобы все могли Вами полюбоваться. Если Вас переедет трамвай, это не будет расщепление – это простое физическое разделение. А вот если Ваш молодой человек сделает Вам наследника, кстати, если у Вас нет молодого человека, скажите мне – я Вам помогу, то вот это будет классическое расщепление – образование нового вида материи. Теперь не перепутаете разделение и расщепление? Наташенька, садитесь."

Обе сессии в МАДИ я сдал на отлично. Поскольку большинство студентов на нашем потоке, образованном по дополнительному набору, не ставило себе особой цели учиться (Главное – весело провести студенческие годы), я решил

перевестись в МВТУ, где к тому времени был уволен ректор Лазарев и спала волна официального антисемитизма. Посоветовавшись с Лёней Бебчуком, я подал заявление на Конструкторско-механический факультет на специальность "автоматические установки" (К-1), не указав национальности родителей. Уже через неделю мне сообщили, что я принят. Но оказалось, что МАДИ не хочет меня отпускать: "отличники и нам нужны". Пришлось идти на прием к ректору и поговорить с ним начистоту, без обиняков. Оказалось, что Правда позволяет решать многие сложные вопросы.

Таким образом, оказалось, что в августе вся наша компания, за исключением Жени Лейбовича, уезжавшего на геологическую практику, может быть свободна. Поскольку Ира планировала в августе съездить к одной своей подруге в Херсон, мы решили съездить на оз. Селигер чисто мужской компанией: Лёня Бебчук – командир, его брат Коля Козлов, Виталик Сахаров, Вовка Самарин, наш интернатский однокашник Гера Пугачев, Саня Сенечкин и я. Загрузившись, "помужски", выпивкой и продуктами, получив на турбазе "Селигер" 2 шлюпки мы на веслах дошли до озера Долгое и сделали там себе базу: в высоком берегу вырубили ступеньки до стоявшего на самом верху большого пня, обложили их ветками для прочности, пень обтесали в духе острова Пасхи, установив под вырубленную морду консервную банку с зажженной смолой, сложили шалаш для припасов и защитную стенку от ветра для костра. Подвесили на дереве противень,

в который дежурный должен был бить вечером каждый час, а днем каждые 3 часа. Оставляя по очереди дежурного, мы выходили на шлюпках осматривать озеро, а также устраивать гонки. Хоть мы и забрались на достаточно высокий ветренный берег, тем не менее, мы не смогли сбежать от комаров. Поэтому я, страдающий от москитов, уже со второй ночи с кем-нибудь из нашей семерки уходил на шлюпке, набитой скошенной травой, ночевать на середину Селигера.

Среди отдыхающих своей базой, гонками и, особенно, своим меню (мы жарили и тушили овощи, пекли блинчики и т.д.) мы заработали кличку – "великолепная семерка". И вот, заработав известность, мы получили предложение от повара пансионата "Сокол" принять на ужин вместе с ним 5-6 человек отдыхающих женщин, которые не верили в возможность готовки блинов на костре. За ужин нам предложили 2 бутылки коньяка, но при условии, что еда будет съедобной. Думаю, экскурсанты получили удовольствие (мы то, точно – да!): в сумерках под звуки гонга моторная лодка с гостями подошла к нашей лестнице, они по ступенькам поднялись к нашему подсвеченному "божеству". Пока экскурсанты, под водительством Лёни, осматривали обустройство быта, началась готовка мужского ужина. Над костром двое раскачивали противень (для равномерности разогрева), один поддерживал огонь, один смазывал противень маслом с помощью луковицы, нанизанной на длинную палку, я размазывал заранее приготовленное тесто по противню и вместе с дежур-

ным по конфитюру переворачивал блины, а командир снимал пробу, раздавал блины гостям и выполнял представительские функции: вместе с поваром потреблял "заначку" последнего. Так что, когда гости с песнями покинули нас, поддерживая под руки повара, Лёня отказался от заработанного коньяка в нашу пользу.

Как мы не старались всё распланировать, но на последние сутки у нас остался только сахар и деньги только на обратную дорогу. Тогда, сдавая шлюпки, мы предложили сыграть в волейбол "сахар – против чая с хлебом" со сборной турбазы (а на базе было около 100 человек, включая одну девушку – кандидата в мастера). Несмотря на отчаянную "болезнь" персонала и отдыхающих, игра (вначале – против чая с хлебом, потом сахар – на масло, а потом всё – на всё) закончилась в столовой, где нас накормили полным ужином, включая пиво, проспороенное болельщиками, а проигравшим игрокам мы тайком вынесли по бутерброду.

Отдых был супер – дождей за все 10 дней не было.

Бауманка. Становление.

Наступило 1 сентября 1962 года. Я впервые иду на занятия в МВТУ им. Баумана в свою новую группу К1 – 33 (специальность – третий семестр, третья группа). Если первые 2 группы на нашей специальности были из ребят, имевших производственный, а то и армейский опыт, то наша группа в абсолютном большинстве состояла из ребят, поступивших в институт сразу после школы. Знакомлюсь с одноКашниками. Среди них ещё несколько человек, пришедших в группу из других ВУЗов и после академических отпусков. Первое занятие – семинар по математике. Приходит преподаватель – ...! Брушлинский! Тот, что завалил меня на вступительном! Стараюсь быть незаметным. Оказалось, что в подобной ситуации была ещё одна студентка из нашей группы – Лида Киршина.

Группа была очень сплоченная – сказалась и совместная производственная практика (по Хрущевской системе) в кузнечнопрессовом цехе ЗИЛга, а также потеря одной из сокурсниц по причине несчастной любви (на нашей специальности осталось всего 5 девушек, и все – только в нашей группе), что, при всей свойственной молодости разухабистости, породило чувство бережной заботливости не только к нашим подругам, но и друг к другу.

Год был сложен для меня: приходилось наверстывать по тем предметам, где программа обучения в МАДИ отставала от программы МВТУ, в частности по физике. Но здесь мне помогла некоторая наглость: в середине 3-го семестра я заявил преподавателю черчения, что всё это я уже проходил в МАДИ. Ответ был прост: – Иди к Арустамову!

Заведующий кафедрой черчения и начертательной геометрии Христофор Артемьевич Арустамов был неоспоримым авторитетом в своей области среди всех московских преподавателей. Его боялись все студенты. Но мне отступать было некуда и я записался к нему на прием. С апломбом я заявил, что все эти элементарные задачи, в том числе и по начерталке, мы решали ещё в школе, а также уже проходили в МАДИ. Христофор Артемьевич выслушал мою юношескую запальчивую речь, улыбнулся и предложил:

– Раз так, будем считать нашу беседу досрочной сдачей зачетов за 3-ий и 4-ый семестры. Сдашь – прекрасно. Не сдашь – все последующие задания, чертежи и зачеты будешь сдавать мне лично.

Я согласился и, где-то через 2 часа очень вежливой и доброжелательной беседы и прогона по всей программе, мне был проставлен "зачет" по обоим семестрам.

Ура! Теперь, вместо того, чтобы чертить по ночам, и ходить вечно не выспавшимся, я мог больше времени уделять Ирине, с которой у меня начали складываться отношения.

В группе, несмотря на всё моё расхваливание Арустамова,

никто не захотел испытывать судьбу.

В начале второго курса родители вновь выехали в командировку за границу. На сей раз в ФРГ, где папа был назначен советником Посла по науке и технике. Михаила на сей раз оставили в интернате. Поскольку наш с Ирой интернат МВТ был переведен за город – в Красноармейск, Мишу определили в интернат Министерства обороны, который был недалеко от стадиона "Динамо". По выходным брат приезжал ко мне, и я его "откармливал" домашним и вкусеньким.

Этот год принес нам всем ещё одно неожиданное испытание. Перед новым годом на военной кафедре нам объявили, что все мужчины специальностей, по которым Министерство обороны доплачивает стипендию (нам платили на втором курсе по 45 руб., вместо 29 руб. – в остальных ВУ-Зах) должны уже завтра пройти в военкомате усиленную медицинскую комиссию, и, признанные годными, после сдачи сессии подлежат переводу, без потери курса, в высшее военное училище подводного флота в городе Симферополь. Тут же все стоящие в строю в очках были вычеркнуты из списка. Дело в том, что Хрущев, уверовавший в силу ракетных войск, в 1960-61 г.г. сократил набор в авиационные и морские военные училища, и офицеров стало не хватать.

Катастрофа! Что делать? После долгих консультаций решили к завтрашнему дню поднять давление – "надраться". Собрались в общежитие. Под похоронное настроение стали потрещивать водяру. Ничего не берет! Тогда Виталька Крав-

цов, у которого отец был каким-то большим человеком в Алма-Ате, сказал, что у него есть плитка гашиша, который тоже должен поднимать давление. Но как его потребляют? Решили сосать – противно. Разводить в водке – в горло не идет. Измельчили, размешали с табаком, закурили самокрутки – выворачивает наизнанку. Плюнули на гашиш и на остатки денег накупили ещё водки. Вечером, как и обещал, явился к Ире. Увидев меня, "подготовленного к медкомиссии", Ира с мамой, несмотря на холод, выпихнули меня на балкон – трезветь.

Утром, к 9 часам, наша группа собралась в военкомате. В воздухе повис стойкий аромат перегара. Нам объявили, что не будут пропущены лица, имеющие слабое зрение, проблемы с зубами, нарушения слуха и, конечно, сердечные нарушения. Распределили по врачам. Терапевт должен быть последним и представлять общее заключение председателю комиссии.

Я сразу заявил, что у меня нет проблем ни со зрением, ни с зубами, но у меня был ревмокардит, а отсюда – проблемы с сердцем. Председатель направил меня сразу к терапевту. Симпатичная девушка измерила давление: 115 x 75 – как у космонавта (где вы водка и гашиш!). Послушала, 20 приседаний – вновь послушала, 15 отжиманий – вновь послушала.

– Так какие у Вас проблемы с сердцем?

– Был ревмокардит, как осложнение после скарлатины.

После этого никогда в школе не был допущен к урокам физ-

культуры.

Она вновь послушала.

– У Вас сердце несколько увеличенное, что бывает у спортсменов, но, вроде, вполне здоровое.

– Какой спорт? Кроме шахмат я ничем не занимался (Ха-ха, это при моих спортивных разрядах по туризму, баскетболу, волейболу, лыжам и настольному теннису).

Она вышла и вернулась с какой-то старушкой, рассказала о ситуации. Та вновь меня послушала, опять приседания-отжимания.

– Знаешь, решай сама: ситуация неоднозначная.

Тогда молодая начала меня просвещать, как мне пойдет офицерская морская форма, пилотка с белой окантовкой.

– Девушка, милая, пойдет ли мне форма, не знаю. Но то, что мне очень идет строгий костюм с белой рубашкой и галстуком, знает не только моя девушка.

Врач рассмеялась и взяла ручку:

" Н Е г о д е н " !!!

Из всей нашей группы (у нас тогда было где-то 25 парней) признали годным только двоих: Юру Прохорова (он хотел сам) и Виталия Кравцова.

На радостях все собрались вновь в общежитии. Чтобы не повторять вчерашний опыт, позвонил Ире и остался ночевать в общежитии на столе. В ходе "заседания" выработали тактику поведения для Кравцова: сессию не сдавать, уезжать в Алма-Ату к родителям (в случае отчисления из МВТУ луч-

ше отслужить 2 года и вновь восстановиться, чем быть призванным на всю жизнь), если же новостей из военкомата не будет, вернуться и сдать все экзамены. На поступавшие в общежитие и деканат повестки, посещавшим общежитие патрулям сообщалось, что Кравцов сессию провалил и выехал домой. К марту волна стихла, о чем мы и сообщили Виталию. В первую же ночь после возвращения он был арестован комендантским патрулем и этапирован в Симферополь, где его (под угрозой уголовного дела) заставили сдать пропущенные экзамены. Я его случайно встретил где-то в конце 80-ых годов, когда он, капитан 1-го ранга в отставке, был по семейным делам в Москве.

На 1 мая со школьной компанией решили идти в поход, где запустить "спроектированную" и изготовленную собственными руками твердотопливную ракету. Гера Пугачев, из-за сильного заикания не поступавший в институт и пошедший работать на завод, выточил полый корпус ракеты из дюрала с привинчиваемым к нему соплом, к которому крепились 3 стабилизатора – они же опоры ракеты. Ракета достигала 1 метра длины. Виталик Сахаров заготовил собственноручно смешанную по различным справочникам пороховую смесь. С зажиганием смеси решили не париться: проложили пороховую дорожку от сопла ракеты до нашего укрытия. Перед стартом выпили за 1 мая и на удачу. Но удача от нас отвернулась: вначале сильнейший ветер сдувал стоящую ракету, сдувал дорожку и гасил огонь, потом Ви-

талик насыпал горку пороха под сопло, но изрядно выпивший, ткнув туда горевшую ветку, сам свалился "на старт". Я решил все сделать сам. Вновь насыпал пороховую горку под сопло, слегка воткнул стабилизаторы в землю (чтобы ракета устойчиво стояла) и уложил коротенькую дорожку из остатков пороха между двумя ветками. Зажег факел, ткнул в дорожку и прыгнул в сторону. Я еще не приземлился... **ВЗРЫВ!** Ребята кричат "Ура" – ракета (правда без сопла, которое вывернуло за счет трения стабилизаторов с землей) улетела более, чем за 100 метров. Но ... я их не слышу: от разрыва сопла и стабилизаторов, несколько кусков которых оказалось у меня в ноге, меня контузило. Слух на одном ухе восстановился только через несколько дней, а на втором – через несколько недель.

По окончании 2 курса нам предстояло выехать на строки целины. Стройотряду МВТУ для работы был определен совхоз Ерментаусский, Ерментаусского района Целиноградской области. Наша группа выбрала меня бригадиром. На заседании штаба факультетского стройотряда распределяем объекты: нашей бригаде с прикрепленными к ней девочками – штукатурицами предстояло быть филиалом отряда где-то в 50 км от центральной усадьбы совхоза, для строительства нового поселка.

Сдав сессию, выезжаем. Эшелон МВТУ, скомплектованный из списанных по старости и ветхости плацкартных вагонов, в которых даже отделения друг от друга не отделялись,

идет на восток вне расписания по непонятному маршруту (к Целинограду мы спускались от Урала). В вагонах веселье, песняки и, понемногу, несмотря на "сухой" закон и дежурные патрули, выпивка. Под проливным дождем прибываем в Целиноград. Нас никто не встречает: как сообщили в штабе, из-за длительной непогоды транспорт из совхозов не смог преодолеть распутицу, а нам предстояло добираться до одного из самых отдаленных совхозов. Принимаем решение: скинуться на продукты (свои то уже закончились). Кое что купили, день прожили. Пока осмотрелись: на соседнем пути стоит эшелон Тбилисского политехнического института. Начали браться, помогать друг другу с пропитанием и с выпивкой. Штабы в обоих эшелонах принимают решение создать совместные патрули для соблюдения порядка. Кое как прожили и второй день, в течение которого несколько отрядов и районный штаб сумели выбраться к месту назначения. Мы, как самые отдаленные, выехать не можем. Дождь идет. Деньги кончились. Есть хочется. Пришла новость: в городе в нескольких магазинах продается питьевой спирт по цене, мало отличающейся от цены водки. С горя решили на остатки денег закупить спирта (он калорийный), хлеба и лука. Решено-сделано.

Ужинаем спиртом. Я макаю лук в соль и заедаю хлебом. Вдруг у меня пошла пена изо рта: оказалось, кто-то вместо соли подсунул мне банку с бельевой содой. Катастрофа: в течение пары лет после этого я не мог выпивать более 100

грамм водки – организм тут же выдавал содовую реакцию. Специально для меня потом покупали "Арагац" (коньяк с 1-ой звездой по цене водки).

На четвертый день вывезли и нас, скучных и голодных. Весь день в пути до совхоза, а на следующий день наш филиал отряда выехал на свою точку. Я таких красивых мест на целине больше не встречал: лесистые сопки, поле у подножья сопок, на котором мы должны строить, с противоположной стороны отгорожено небольшой речкой, за ней небольшой старинный хутор с зелеными палисадниками и различной домашней живностью. На поле стоял один дом, выстроенный до этого шабашниками, в котором нам всем предстояло жить (всего около 30 человек, включая 5-6 девушек из параллельного потока). Разбились на группы, чтобы вместе с сопровождавшими нас представителями совхоза построить кухню, заготовить на первое время дрова и сколотить нары. Когда все закончилось, я попрощался с представителями совхоза, обговорив первоочередные дела, и пошел спать. В домике мертвое царство. Мне места нет: мужская часть плотно заняла все предназначенные для нее нары, почти все лежат на боку, прижавшись друг к другу. Разбудить никого невозможно. Плюю на формальности, залезаю на соседнюю женскую половину и вклиниваюсь под стенку.

Только утром, обнаружив у себя непрошеного гостя, девчонки, с помощью парней, с хохотом и визгом выволокли меня на улицу. Пришлось несколько перепланировать наши

лежаки, чтобы хватало всем и было поудобнее.

Осмотрели фронт работ и припасенные материалы. Фронт оказался огромным, необходимый инструмент наличествовал, а материалы завезены "планово": большое количество рассыпного цемента, кое-как складированного под навесами, и рубероид для крыш домов, которые ещё предстояло построить. Ни бута для бетона, никакого лесоматериала. Посуда была, но продукты "как бог послал" и в незначительном количестве. Поскольку штукатурить было нечего (и неизвестно когда и что) девчонкам, несмотря на их протесты, поручили готовить пищу. Ребят разбили на бригады, чтобы, не теряя времени, начать заготовку камня в близлежащем карьере, приводить в порядок хранение цемента, размечать места строительства жилых домов в соответствии с врученным нам планом, подводить электричество к домику и местам строительства, копать траншеи под фундаменты. Я же, на оставленном нам в распоряжении грузовом ГАЗике, помчался на центральную усадьбу решать срочные вопросы возможного снабжения.

После нескольких дней постоянного мотания выяснилось, что материалы для жилых домов завезут нескоро, удалось достать немного пиломатериалов плохого качества, пригодных только для опалубки, решить вопрос с кухаркой из местного населения и отправкой на центральную усадьбу девушек. И самое главное, получить согласие на строительство, в первую очередь – до получения материалов для домиков,

зернохранилища, стены которого должны были возводиться из бутобетона (камни мы могли заготовливать сами, а цемент был). Работа пошла, но, чтобы "добыть" недостающий лес для опалубки и прочих целей, пришлось постоянно в любую погоду гнать на усадьбу и решать, просить, требовать...

В итоге я сумел подхватить жуткий кашель. Никакие известные лекарства не помогали. Тогда наш отрядный врач приняла решение лечить меня "народным" методом: она привезла с собой бутылку водки, налила мне половину в кружку, бросила туда две столовые ложки меда и высыпала пачку молотого черного перца. Закутала в одеяло и, под завистливые взгляды всей бригады, влила в меня эту адскую смесь. После этого я проспал почти сутки, но кашель только немного успокоился.

На нашу стройку, как на работу, каждый день приходил очень колоритный старый дед. Через несколько дней он спрашивает:

- Сынки, что же здесь будет?
- Зернохранилище.
- А откуда зерно, и какое привозить будут?
- Сами будете здесь выращивать.
- Вовек здесь столько зерна не будет. Я то знаю! Я целинником ещё в 1910 году по указу Столыпина стал.

К слову сказать, возведенные нами стены только через несколько лет были накрыты крышей, но, как я потом узнал, по назначению зернохранилище так никогда и не использо-

валось.

Через месяц от постоянного кашля у меня вылезла паховая грыжа и, по настоянию отрядного врача, меня отправили домой, где пришлось делать операцию. После моего отъезда снабжение ещё ухудшилось и ребятам пришлось менять впрок завезенный рубероид в местной палатке и у местных жителей на продукты. В МВТУ нашу бригаду прозвали бригада "Рубероид". В итоге первая моя целина оказалась неудачной: я за первый месяц заработал больше, чем ребята за все три месяца.

На третьем курсе меня избрали в курсовое бюро комсомола. Пошла учеба, общественная работа. В выходные дни старой ещё школьной компанией выбирались на природу. Всё свободное время, которого было совсем немного, проводил с Ирой.

В это же время вернулись из Германии мои родители: после отпуска их виза была отозвана – папа попал в списки сотрудников советских спецслужб, преданных Пеньковским.

На третьем курсе мы с Ирой решили пожениться. Моя мама вначале отговаривала нас от такого раннего шага, даже заявила, что не будет нянчить наших детей, на что получила резкую отповедь от папы. Но потом смирилась, а Ира ещё долго помнила эти ее заявления. Свидетелями на свадьбе у нас были Толя Богатый и Ирина подруга по школе в Праге и однокурсница по экономическому факультету Наташа Паньшина. Родители решили отпраздновать свадьбу в ресторане

"Прага". На наши с Ирой протесты против такого шикарного места и большого количества приглашенных (было более 100 приглашенных родственников, наших друзей и друзей родителей), мой папа заявил:

– Для вас бы мы ничего не устраивали – вам вся ваша совместная будущая жизнь должна быть праздником, а мы поспразднуем. Кстати, Вы сами должны следить за порядком!

В итоге мне пришлось следить, чтобы "туалетные работники" приводили в норму некоторых перебравших друзей, мы с Ирой провожали гостей, рассчитывались с рестораном. Когда все закончилось, оказалось, что кто-то из наших гостей "умыкнул" заказанную для нас машину. Нам, полураздетым, пришлось более часа в холодную мартовскую ночь искать машину, чтобы добраться домой. На следующий же день наш праздничный медовый месяц начался с болезни Иры.

Жить Ира стала у нас на Октябрьском Поле. Комнату-вагон поперек разделили пианино, за которое нам поставили односпальную кровать, которую мы "расширили", поставив между ней и стеной стопки книг. Почти сразу же моя мама улетела в Душанбе, где тетя Аня получила инсульт, и ей требовался длительный уход. Для Ирочки это оказалось жесточайшим испытанием: ей, единственному ребенку в семье, жившему с мамой и бабушкой, пришлось готовить на трех мужиков.

День начинался с телефона:

– Мама, я купила мяса приготовить борщ. Что надо делать?

– Помой, вскипяти, собери пену ... и т.д.

Вечером Ира кормила вернувшихся "с охоты" мужчин:

Папа, читая газету, ест и нахваливает. На вопрос, что он ел, ответить не всегда может.

Миша, съев первое – "Всё?" – "Добавку?" – "Да ... Всё?" – "Может второе?" – "Давай ... Всё?"

Зато я, готовя Иру к длительной совместной жизни, долгое время обращал её внимание на отдельные, даже мелкие недостатки. Иногда это кончалось слезами. Ирино мучение кончилось только через несколько месяцев. Но сегодня, после почти 50 лет совместной жизни, могу сказать, что Ира готовит, как немногие женщины.

Третий курс окончили без потерь. По окончании курса нашу группу направили на эксплуатационную практику на испытательный полигон в Капустин Яр. Приезжаем на точку. В пустой степи огороженная территория с несколькими казармами и жилыми бараками, в которых в комнатах по 4 – 5 человек селят приезжающих для пробных запусков офицеров, а также и нас, студентов-практикантов. Здесь нам предстоит провести целый месяц. Питаться должны в солдатской столовой.

В первую же ночь к нам через окно залезает солдат, раздевается и пытается пристроиться на одну из занятых коек к Виктору Дойникову. На крики последнего дружно хватаем

и связываем нарушителя. Оказалось, ещё вчера наш барак был заселен девушками – связистками и телеметристками, и юный Ромео пришел на свидание. Пришлось отпустить.

В свободное время заняться нечем – за территорию не выпускают. Для выезда в город на берегу Ахтубы требуется долгое и не всегда благосклонно принимаемое прошение. Узнаем, что приезжающие для учебных запусков офицеры (так называемые "цепочки") с удовольствием играют "на интерес" в футбол и баскетбол. Наши заядлые футболисты во главе с Сашей Стрельцовым, Димой Ильяшенко и Валерой Шерстневым, а также баскетболисты во главе с Толей Ореховым и мной, посмотрев на уровень подготовки будущих партнеров решили начать с баскетбола. Выставили 2 бутылки водки против литра спирта. Выиграли. Понравилось. Так и понеслось. Почти каждый день вечером – спорт. То баскетбол, то футбол. Выигрывали почти всегда. Первые дни "призы", вокруг которых кругами ходили однокурсники, "не использовали": создавали запас на случай проигрыша. Потом командир местной части предложил посоревноваться с его командами, которые претендовали на победу в чемпионатах полигона. За помощь в тренировках местным спортсменам нам разрешили каждые выходные выделять несколько человек для поездки в город, где можно было купить почти бесплатно арбузы и помидоры, вяленую рыбу, которые нам прилично приукрасили солдатское меню, а заодно и искупаться в Ахтубе. А в случае наших побед, что в основном и случа-

лось, наше меню разнообразили то офицерской прикормкой, то тем же спиртом. Я же использовал один из увольнительных для поездки в Волгоград, к своему другу по интернату – Вальке Вдовиченко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.